

КРИСТИНА ЮРАШ.

АКАДЕМИЯ БОЛИ.

— Я УМРУ ВМЕСТО ПРИНЦА. —

Кристина Юраш Академия Боли. Я умру вместо принца

<https://litres.ru/74083431>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я должна умереть за принца. Это моя обязанность, как фамильяра.

Тринадцатая фамильярка кронпринца умерла, и новой выбрали меня.

Теперь любая боль, рана и даже смерть, предназначенные наследнику престола, достанутся мне.

Таковы правила Академии. Богатые студенты не хотят испытывать боль, хотят дополнительный магический резерв. Но им жаль собственных зверюшек. Их они любят. В отличие от нас, бедных студентов, которым за право учиться приходится быть фамильярами.

В Академии все знают: ни одна фамильярка принца не прожила дольше года.

А еще все знают, что Виерис Баллард — самый опасный студент Империи.

Холодный. Безжалостный. Совершенный.

Я должна держаться от него подальше.

Но чем больше узнаю принца, тем чаще ловлю себя на мысли, что страшнее его гнева может быть только одно.

Влюбиться в человека, ради которого мне однажды придется умереть.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	16
Глава 2	20
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	48
Глава 12	51
Глава 13	54
Глава 14	56
Глава 15	59
Глава 16	62
Глава 17	65
Глава 18	68
Глава 19	72
Глава 20	76
Глава 21	79
Глава 22	83

Глава 23	86
Глава 24	89
Глава 25	92
Глава 26	95
Глава 27	99
Глава 28	103
Глава 29	105
Глава 30	108
Глава 31	112
Глава 32	115
Глава 33	118
Глава 34	121
Глава 35	124
Глава 36	128
Глава 37	132
Глава 38	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Кристина Юраш Академия Боли. Я умру вместо принца

ПРОЛОГ

Будущий король Англии Карл I не мог подвергаться телесным наказаниям: считалось, что рука учителя не вправе подняться на помазанника Божьего. Поэтому за проступки наследника наказывали его товарища по учёбе — Уильяма Мюррея. Пока будущий король наблюдал за поркой, удары доставались другому мальчику. Исторический факт.

ПРОЛОГ

— Ваше высочество, ваша предыдущая фамиллярка скончалась сегодня утром, так и не приходя в сознание. Академия обязана предоставить вам фамилляра на замену. С этого момента все раны, увечья и боль, предназначенные вам, будет принимать студентка второго сорта седьмого курса Лианда Торос.

Меня затошнило, как только в кабинете ректора прозвучало мое имя.

Я стиснула зубы, понимая, что худшее, что могло со мной случиться, только что случилось.

Слова ректора Имперской Магической Академии, Арманта Морканта, прозвучали спокойно. Буднично. Так, словно речь шла о замене учебника или сломанном артефакте для практических занятий.

Зато я почувствовала, как пол стремительно уходит из-под ног, превращаясь в зыбучие пески. Мир качнулся, стены кабинета поплыли перед глазами, теряя четкие очертания.

Его высочество Виерис Баллард, принц-дракон правящей династии, будущий наследник престола, сидел в глубоком кожаном кресле, откинувшись на спинку с той небрежной грацией хищника, который знает: ему не нужно напрягаться, чтобы убить.

Достаточно одного движения, чтобы вспыхнула магия или хрустнула чья-то шея.

Самый опасный студент Академии.

Самый влиятельный и бессердечный. Ради того, чтобы на его коже никогда не осталось ни одной царапины, другие платили сломанными костями, ожогами, кровью и жизнями.

Белые волосы цвета первого снега в горах падали на плечи тяжелыми, блестящими прядями, контрастируя с темным, почти черным пиджаком академической униформы. Пиджак сидел безупречно, подчеркивая широкие плечи и узкую талию.

Правая рука принца была затянута в черную перчатку из тонкой кожи. Левая оставалась открытой. На спинке его кресла восседал огромный черный ворон — зловещий пред-

вестник смерти.

Ворон издал жуткий звук: «Кар-р-р!», глядя на меня пристально. Принц скользнул по мне взглядом.

Снизу вверх. Медленно, словно изучал каждую деталь.

— Пуговицы застегни правильно, — произнес принц, а я схватила за грудь. — Бесит.

Что? При чем здесь пуговицы?

Я опустила глаза и усмехнулась. Я, видимо, так спешила, когда меня вызывали к ректору, что неправильно застегнула ворот. Но разве это сейчас важно? Какая-то пуговица важнее моей жизни?

Сердце в груди гулко забилося, когда память воскресила все слухи сразу. Они нахлынули лавиной, сбивая дыхание, которое еще не пришло в норму после ужасной новости — я следующая.

О дуэлях, где противники исчезали навсегда. О тяге принца к совершенству. О том, как он часами может отрабатывать один и тот же удар, пока не добьется идеальной точности. О том, что он обожает картины и вся его комната буквально напоминает музей. О том, что он однажды приказал вынести из аудитории статую, потому что скульптор ошибся в пропорциях плеч. О том, что девушки-фамильяры для него не просто резервный источник магии или громоотвод для боли и ран. О том, какие ужасы он вытворяет с каждой, кто соединен с ним магически.

«Господи! Пусть он попросит кого-то другого!» — взвыло

что-то внутри. — «Пусть даст мне спокойно доучиться! Это же мой последний курс! Я почти доучилась... Почти...»

Мои пальцы медленно расстегивали ворот, а я пыталась застегнуть его снова. Дрожащие пальцы никак не могли попасть пуговицами в петли.

Хотелось расстегнуть еще две пуговицы назло.

Но жить хотелось сильнее.

— Застегнула, — прошептала я.

— Сойдет, — кивнул принц. — И волосы собери. Терпеть не могу, когда волосы распущены.

Ну это уже слишком! Я понимала, что обязана подчиниться. Поэтому скрутила узел из волос, складывая их магией.

— Не идеально, но терпимо, — заметил Виерис.

Я стиснула зубы.

— Ваше высочество. У нее отличные отметки и хороший магический резерв. Я думаю, вам будет достаточно. Пусть пока побудет она, а я уже подыскиваю ей замену, — продолжал ректор, листая страницы моего личного дела. — Ее бывшая... хозяйка, вы ее наверняка знаете, дочь министра Судимонда, недавно покинула Академию в связи с предстоящим замужеством. Что касается самой Лиады, то, хотя она и происходит из аристократического рода, но её отец был обвинен в заговоре против короля, поэтому по решению суда был казнен, лишен всех титулов и регалий, а его дочь была направлена сюда.

— Я уже в курсе, — перебил принц, поправляя перчатку.

— Или Вы усомнились в моем умении читать, господин ректор? Я же сказал, остальные папки можете убрать. Они мне не интересны.

Его взгляд скользнул по моему лицу, придирчивый, замечающий и оценивающий каждое несовершенство.

— Держи спину ровно, — приказал принц.

У меня перехватило дыхание. От страха и от унижения. Потому что сейчас речь идет о моей смерти, а меня заставляют перед этим закалывать волосы и держать спину ровно.

«Да чтоб ты подавился своим совершенством!» — пронеслась в голове едкая, желчная мысль.

Слухи не врали. Говорили, что принца раздражает любая мелочь, нарушающая порядок. Криво висящая картина. Неровно застегнутый воротник. Даже неправильно поставленная книга на полке. Я всегда считала это глупыми байками. Теперь уже не была так уверена.

Ректор посмотрел на меня так, словно я уже превратилась в строчку в отчете Академии. В такую же строчку, как та девушка, которую похоронили сегодня утром.

— Надеюсь, этого времени хватит, чтобы Академия подобрала вам достойную замену.

Ректор Армант Моркант закрыл папку. Глубокий ожог пересекал его левую щеку от виска до подбородка. Студенты шептались, что когда-то он и сам был фамильяром, сыном сапожника, решившим пробиться наверх. И этот шрам оставил не враг, а боль, предназначенная другому человеку.

Я опустила голову, понимая простую истину.

Министр Судимонд мог бы оплатить остаток моего образования. Хотя бы в знак благодарности за то, что я шесть лет была фамильяром его дочери. Так делали некоторые аристократы, у которых осталось немного совести. Но он не стал платить. Хотя сумма была не такой уж и большой... Он попросту забыл обо мне, как забывают о салфетке, которой только что воспользовались.

А это означало то, что у меня нет выбора. Либо меня лишают магических сил навсегда, выжигая часть души. Либо я соглашаюсь умереть вместо принца.

— Подойдите, студентка Торос. Сейчас необходимо провести ритуал, — произнес ректор, обращаясь уже ко мне.

Его голос был сухим, лишенным эмоций. Он даже не посмотрел на меня, сосредоточенно перебирая страницы в папке. Для него я уже была мертва.

Я честно попыталась двинуться к ректорскому столу. Даже послала сигнал ногам, приказала им сделать шаг. Но они словно приросли к полу. Страх парализовал нервы, замораживая кровь в венах.

Принц чуть склонил голову. Белые пряди скользнули по плечу. А фиалковые глаза посмотрели на меня так, словно он сейчас снова скажет что-то по поводу моей внешности.

«Почему я? Почему именно я?» — задыхалось что-то внутри. «Это ужасно несправедливо! Я не хочу умирать! Я уже один раз умерла в том мире...»

В голове билась, отстукивая ритм моего бешеного сердца, только одна мысль.

До выпуска оставался всего год.

Один год. Один проклятый, выстраданный год.

Я столько пережила! Насмешки богатых студентов, чьи платья стоили больше, чем моя жизнь. Я столько училась, старалась, каждый раз заставляла себя молчать, глотая слезы, обиду и унижение, чтобы получить этот диплом. Чтобы вырваться из грязи, смыть с себя клеймо «дочь бунтовщика», чтобы занять пост в министерстве, обеспечить себе достойную жизнь и не голодать никогда.

И теперь всё должно закончиться вот так?

Стать очередной фамильяркой принца? Очередной расходной единицей, чье имя однажды зачитают в этом же кабинете таким же будничным, равнодушным голосом, пока в дверях будет дрожать следующая девушка и задыхаться от ужаса своей будущей судьбы?

Потому что принц всегда выбирает девушек. Всегда. Только девушек.

Я резко вдохнула, и воздух обжег легкие, не давая его выдохнуть.

— Ваше высочество... Пожалуйста. Откажитесь от меня.

Голос дрогнул, предательски срываясь на хрип. Я ненавидела себя за эту слабость каждой фиброй своего существа, каждым ударом сердца. Но животный, липкий страх стать его щитом от чужих клинков и магии оказался сильнее.

Принц сидел в глубоком кожаном кресле, не меняя позы. Его фигура казалась выточенной из самого мрака кабинета, поглощающей свет. Только длинные, бледные пальцы медленно, гипнотически скользили по черным, лоснящимся перьям ворона.

И в этот момент рукав его безупречного черного пиджака чуть сдвинулся.

Я замерла, забыв дышать.

На внутренней стороне его предплечья, на бледной, почти прозрачной коже, тянулись шрамы. Тонкие, ровные, пугающе аккуратные линии, идущие параллельно друг другу. Старые, белесые, и одна. Новая. Свежая.

Словно заметив, куда устремился мой взгляд, принц одернул рукав.

Шуршание оперения было единственным звуком в комнате. Будто происходящее его совершенно не касалось. Будто я была не живой девушкой, молящей о пощаде, а назойливой мошкой, жужжащей у уха.

— Мне остался всего год, — выпалила я, цепляясь за соломинку, чувствуя, как по щеке скатывается горячая, соленая слеза.

Никакой реакции. Даже взгляд принца не дрогнул.

— Последний курс.

Горло болезненно сжалось, словно невидимая рука сдавила трахею. Я почувствовала металлический привкус крови на языке, прикусив внутреннюю сторону щеки.

— Пожалуйста.

Мне было всё равно, как жалко я выгляжу. Всё равно, что мои руки трясутся, а плечи ходуном ходят от сдерживаемых рыданий. Я хотела жить. Я хотела увидеть рассвет завтрашнего дня, а не стать статистикой в его мрачной хронике.

— Выберите кого-нибудь другого.

Пальцы принца продолжали гладить птицу. Спокойно. Неторопливо. Словно он слушал шум дождя за окном или отсчитывал удары собственного сердца. А не слушал человека, который умолял сохранить ему жизнь.

— Я благодарен тебе за эту откровенность, — произнес он, удостоив меня взглядом. — Она показала мне, как сильно ты хочешь жить. А это — хорошее качество для фамильяра.

— Простите? — прошептала я, растерявшись.

— Ты ведь хочешь жить? — его губ коснулась надменная улыбка.

Я быстро закивала. Слеза сорвалась с ресниц.

Принц несколько секунд смотрел на меня, а потом лениво провел пальцами по шее ворона.

— Забавно, — негромко произнес он.

— Что в этом забавного, Ваше высочество? — прошептала я, слизывая еще одну слезу, которая покатилась по щеке к уголку рта.

— Каждая из тринадцати говорила то же самое.

Я застыла. Он провел пальцем по шее ворона.

— Они считали честью быть моим фамильяром, — в его взгляде не отразилось ни единой эмоции. — Каждая хотела жить. Но ни одна не продержалась дольше года.

Глава 1

Слова принца повисли в воздухе, густые и тяжелые. Они не просто прозвучали — они впились в кожу, оставляя невидимые, но жгучие ожоги.

Я смотрела на него и не могла вдохнуть. Воздух в роскошном кабинете вдруг стал стеклянным, режущим легкие при каждой попытке сделать вдох.

“Ни одна!”

Это слово эхом отдалось в висках, выстраивая в голове жуткую, безмолвную процессию. Я знала, что были другие, но радовалась, что мне повезло. Они тоже стояли на этом безупречном ковре в кабинете, поражающем роскошью. Тоже сжимали ногти в ладонях до крови, пытаясь удержать дрожащие колени. Тоже умоляли, глотая слезы унижения, выбрать кого-нибудь другого.

А потом их имена вычеркивали из списков. Их хоронили в безымянных могилах за оградой Академии. Они были сломанными деталями в огромном механизме. И на их место приводили следующую.

Как сейчас привели меня.

— Может, вам стоит выбирать тех, кто хочет умереть? Наверняка там очередь выстроилась, — заметила я, понимая, что злость на судьбу прорывается наружу.

— Приступим, — сухо произнес ректор Моркант, прочи-

стив горло.

Словно моя смерть уже была вписана в расписание звонков, аккуратным почерком между алхимией и историей магических войн.

Я попыталась сглотнуть, но горло превратилось в наждачную бумагу.

— Студентка Торос, подойдите к столу.

Я сделала шаг. Ноги почти отказывали. Я едва вообще стояла на ногах. Колени дрожали с такой частотой, что я боялась: еще одно движение, и я рухну прямо на дорогой ковер, униженная и сломленная, не дойдя и трех метров до ректорского стола.

Еще шаг. Еще. Почему это случилось со мной?

Ворон на спинке кресла вытянул шею. Его черный, перебивающийся маслянистым блеском глаз проследил за каждым моим движением.

— Кар-р-р.

Звук был низким, вибрирующим. От него по позвоночнику пробежал ледяной холод, заставивший волосы на затылке встать дыбом.

Я подошла к столу ректора и опустила взгляд на разложенные бумаги. И застыла, чувствуя, как внутри что-то обрывается от одного беглого взгляда.

Перед Армантом Моркантом лежала не одна папка. Их было несколько. Пять. Нет. Шесть.

Тонкие, темные обложки из грубой кожи. На каждом ко-

решке золотым тиснением было выведено имя. Курс. Категория. Размер магического резерва. Пометка о происхождении.

Студентки второго сорта. Девушки. Исключительно девушки.

Я не сразу осознала масштаб происходящего. А когда пазл в голове сложился, желудок скрутило тошнотворным спазмом. Это не было случайностью. Не жребием судьбы или срочным, вынужденным решением Академии.

Принц выбирал. И из всех предложенных кандидатур он выбрал меня. Почему?

Я увидела свою папку. Она лежала сверху, раскрытая, беззащитная. Сухие строки моего личного дела вдруг показались мне плевром в лицо.

Лиада Торос.

Двадцать один год.

Седьмой курс.

Магический резерв — высокий.

Физическая выносливость — удовлетворительная.

Психическая устойчивость — высокая.

Особые отметки: дочь казненного бунтовщика.

На полях, рядом с моим портретом, где я смотрела на мир испуганными, но упрямыми глазами, стояла короткая, размашистая резолюция чернилами цвета запекшейся крови: “Одобрено!”. Но помимо этого были еще заметки. Напротив каждого пункта я видела какие-то отметки, написанные те-

ми же чернилами. Я не успела прочитать ничего.

— Я заметил, что ты любопытная.

Я медленно подняла глаза, осознав, что меня поймали за попыткой разобрать чужой почерк.

Принц все еще сидел в кресле. Красивый. Холодный. Пугающе величественный. И мне вдруг стало так страшно, что страх, достигнув своего пика, мутировал. Он превратился в густую, едкую злость.

Он выбрал меня. Из всех этих папок. Из всех этих безликих имен. Из всех девушек, которые могли стоять здесь, дрожа от ужаса, вместо меня. Он прочитал про моего отца, про мое клеймо, про то, как я отчаянно хваталась за жизнь, и решил: “Да, эта подойдет!”.

— Ваше высочество, — произнес ректор, пододвигая ко мне пергамент договора, — вы подтверждаете выбор? Или вам нужно время, чтобы все обдумать? Я могу сделать вам чай, если нужно...

Глава 2

Надежда. Слабая, как огонек свечи, вдруг вспыхнула в груди. «Прошу тебя... Скажи: “Я подумаю”. Я умоляю... Выбери кого-нибудь другого!» — мысленно шептала я, сжимая сухие и холодные пальцы.

Виерис поднялся. Медленно. Небрежно. В каждом его движении была та самая хищная грация, от которой хотелось зажмуриться. Черный ворон вспорхнул с кресла и с глухим хлопком крыльев опустился ему на плечо, впиваясь когтями в дорожную ткань пиджака. Он внимательно смотрел на папки, словно тоже выбирал. Мне вдруг показалось, что эта огромная, зловещая птица была чем-то большим, чем просто ворон.

— Мне не нужно время. Свой выбор я сделал, — произнес принц, поставив свою подпись.

Его фиалковые глаза остановились на мне.

— Пусть она будет моей фамильяркой.

Моей.

Это слово ударило сильнее, чем пощечина. Не студенткой. Не человеком. Не девушкой с именем и мечтами. Чьей-то. Принадлежащей магической связи. Принадлежащей боли. Принадлежащей ему.

— У меня же еще месяц обучения оплачен министром Судимондом, — прошептала я, глядя на ректора.

— Торос, прекратите вести себя так, словно вы не знаете, куда вы попали и за чей счет вы учитесь! Для многих честь отдать жизнь за принца, — произнес ректор, указывая пальцем место для моей подписи.

Я дрожащими пальцами взяла перо, но не смогла его удержать. Оно упало на пол, а я наклонилась за ним. И тут же почувствовала на себе взгляд принца.

«Боже мой, жизнь решила подарить мне несколько секунд перед приговором!» — пронеслось в голове стремительное и полное боли.

Я поставила свою подпись, вернув перо в чернильницу.

Ректор кивнул, захлопывая папку. Пыль взвилась в луче света, падающем из высокого окна.

— Теперь прошу вас пройти в ритуальную комнату.

Я хотела сказать, что не могу. Что мне плохо, что пол уходит из-под ног, что меня сейчас вывернет прямо на этот безупречный паркет. Но никто не спрашивал, могу ли я. Никого это не интересовало. Я была ресурсом. Расходным материалом.

И самое страшное заключалось в том, что никто в этой комнате не считал это несправедливым.

«Может, еще что-то случится? Может, случится чудо?» — молилась я, беззвучно шевеля пересохшими губами.

Глава 3

Виерис прошел мимо. Я невольно отшатнулась, когда его плечо почти коснулось моего. От него пахло озоном после грозы и сладким ароматом каких-то незнакомых цветов. Слишком сладким. До тошноты.

Ворон на его плече повернул голову и щелкнул клювом у самого моего лица. Я вздрогнула, закрыв глаза. Принц даже не обернулся.

И все-таки меня пугала эта птица.

— Идемте, студентка Торос, — поторопил ректор, на которого я смотрела с ненавистью.

Неужели ты не понимаешь, что я сейчас чувствую? Ты же сам был таким, как я! Разве деньги, власть и влияние заставили тебя забыть об этом?

Я сжала кулаки, мысленно взывая к ректору, но тот был невозмутим.

И я поплелась следом за ними. Потому что назад дороги уже не было. Дверь в кабинет захлопнулась с тем самым звуком, который я слышала один раз в жизни. Звуком, когда на шею моего отца обрушилось лезвие гильотины.

Я не знала, что это мой отец. Я мысленно была еще там. В шумном городе, полном машин и выхлопных газов, с разряженным телефоном в руке.

Что случилось в том мире, я так и не поняла. А может,

просто не помню. Но когда я очнулась в теле чужой девушки, которую приводили в чувство в незнакомом мире, первое, что услышала, — звук гильотины.

И сейчас хлопок двери напомнил мне об этом бесконечно ужасном звуке.

Коридор за кабинетом казался бесконечным. Каждый мой шаг отдавался в висках глухим, ритмичным ударом, словно внутри меня удары сердца отсчитывали время до казни. Я помнила этот путь. Шесть лет назад я уже шла здесь, и тогда мир казался другим.

Тогда рядом со мной была Селеста Судимонд — бледная, тонкая, с огромными испуганными глазами. Дочь министра держала меня за руку так крепко, что ее ногти впивались в мою кожу, будто она боялась, что я сбегу.

— Это больно? — шептала она тогда.

Я не знала. Мне тоже было страшно. Мне было четырнадцать, я была грязной, голодной, злой девчонкой, которую Академия подобрала не из милости, а из холодного расчета. У меня был хороший резерв.

Но кроме резерва не было ничего. Поместье и все имущество были конфискованы в пользу короны. Родственники отвернулись с брезгливым ужасом: «Дочь бунтовщика!». А я не ела уже три дня, и меня шатало от голода.

Так я оказалась в Академии.

Я могла стать полезной. Я могла стать фамильяром. И я согласилась, потому что был шанс. Призрачный шанс, что

однажды я тоже стану кем-то. Получу должность, сумею заработать деньги, убери все шрамы магией и буду такой же, как они. Холодной, надменной и равнодушной к чужому горю.

Тогда я боялась. Но Селеста хотя бы плакала вместе со мной. Ей тоже было четырнадцать. И богатая жизнь еще не до конца убила в ней человечность. Она боялась причинить мне боль. Потом, уже через год, она перестала бояться. Привыкла. Люди быстро привыкают, что страдает кто-то другой.

Внезапно мы остановились возле очередной картины, украшавшей коридор Академии.

— Подойди сюда, фамильярочка, — слышался голос, а я удивилась. — Скажи честно, тебе нравится эта картина?

Я посмотрела на величественный подвиг умирающего чародея, пытаюсь вспомнить, кого изобразил художник.

— Вообще-то, я еще не ваш фамильяр, — произнесла я, глядя на то, как принц удивленно вскидывает бровь. — Ритуала еще не было. Так что я пока еще... Лиада Торос. И я бы хотела еще немного побыть ею. С вашего позволения, ваше высочество.

Виерис удивленно вскинул бровь.

Глава 4

— Тогда воспользуйся этой возможностью, Лиада Торос, — заметил с усмешкой Виерис.

Я обернулась на ректора, который стоял на почтительном расстоянии и терпеливо ждал. Он не проронил ни слова, не поторопил нас.

— Тебе нравится эта картина? — спросил он.

— Нет, — ответила я, понимая, что я тут не картины разглядывать иду. Какие картины? Какие к черту картины? Я... Я иду, считай, на эшафот! И вместо того, чтобы закончить все это поскорее, мы тут стоим и картину разглядываем.

— Она ужасна, — со злостью добавила я, чувствуя горечь во рту. Мне хотелось, чтобы Виерис передумал. Может, мой ответ заставит его сделать иной выбор?

Я посмотрела на его красивое лицо. Но мой взгляд невольно упал на ворона. Птица смотрела на принца так, словно сама не понимала, зачем он остановился. Словно считала эту остановку пустой тратой времени.

— Ты права. Умиравший выглядит так, словно ему скучно, словно он лежит не на поле боя, а на диване и ждет, когда ему принесут обед. И что он не орет, а зевает. А еще художник не умеет рисовать руки. Поэтому решил сунуть в руку умирающему артефакт, которого там, если верить истории, быть не могло, — усмехнулся принц.

Я вздохнула, пытаюсь понять, при чем тут картина? Мне она изначально не нравилась.

Я нахмурилась.

— Откуда вы вообще знаете, как выглядит умирающий? Виерис на секунду замолчал.

— Насмотрелся, — заметил принц, склонив голову набок. — Художник никогда не терял людей.

— Откуда вы знаете? — поморщилась я, не понимая, почему он так прицепился к этой картине.

— Иначе он бы написал картину иначе. Сейчас он жалеет умирающего. А должен был жалеть тех, кто останется жить.

Он бросил последний взгляд на картину и, как ни в чем не бывало, направился дальше по коридору.

Очередная странность принца.

Словно у меня мало поводов его бояться.

Ритуальная комната казалась маленькой. Всегда маленькой. В Академии было много залов, где любили производить впечатление: мраморные лестницы, витражи, залы с зеркальными потолками, аудитории, где магические формулы сияли прямо в воздухе, как северное сияние. А здесь не было ничего.

Серые каменные стены, впитавшие вековой страх. Низкий, давящий потолок. Холодный, спертый воздух, пахнущий грозой. И круг на полу, выложенный темной, почти черной мозаикой.

Я стояла здесь неделю назад, глядя на Селесту Судимонд.

Она уже не была той плачущей девочкой, которая переживала за меня. Холодная аристократка после того, как взяла меня за руку для проведения обратного ритуала, достала платочек и вытерла свои пальцы. Словно прикоснулась не к моей руке, а к чему-то грязному.

Она смотрела на меня как на очередную горничную, чье имя никогда не врежется в ее память.

— Встаньте в круг, — приказал ректор.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание: совсем юная Селеста напротив, ее дрожащая, холодная рука в моей ладони, ее тихий, виноватый шепот: «Прости. Я не буду часто ошибаться. Обещаю».

Она ошибалась. Не часто, но ошибалась. И каждая ее ошибка стоила мне боли. Синяки, расцветающие на моем теле без причины. Ожоги, когда она проливала зелье. Магическое истощение, от которого я не могла подняться с кровати неделями. Головная боль после ее экзаменов. Тошнота после ее тренировок.

Но это было терпимо. Селеста не лезла в дуэли. Не срывала занятия. Не дралась. Не была целью для десятков убийц, жаждущих прервать линию династии.

— Студентка Торос, — голос ректора стал жестче, разрезая тишину.

Внимание ректора было полностью поглощено древним фолиантом, раскрытым на пюпитре перед ним. Для него это была рутина. Очередная процедура. Как проверка посещае-

мости или выдача учебников.

Я посмотрела на мозаику. И не смогла сделать шаг.

Круг, выложенный из темного, почти черного камня, зиял в центре серой комнаты. Линии узора были стерты временем, но в одном месте линия была явно новой. И символ над ней тоже выглядел новым. Она была чуть ярче, чем те линии, которые окружали ее.

“А вы слышали? Ритуальную комнату попытались испортить! Да вы что? Правда? Ага! Кто-то ночью пробрался в ритуальную комнату и сумел разбить часть рисунка...” — вспомнила я шелест голосов в общежитии. Каждый раз рождалась сплетня о том, что кто-то пытается испортить ритуальный круг. И, честно сказать, я даже привыкла к таким сплетням. Ведь всем, кто ее обсуждал, захлебываясь от восторга, хотелось, чтобы богатые хоть раз в жизни сами почувствовали предназначенную для них боль.

Я смотрела на новую линию и символ. Они казались чужеродными на старом круге.

Глава 5

Неужели это правда? Неужели кто-то попытался испортить круг? Интересно, кто это? Студент? Но откуда в нем столько магии, чтобы испортить древнее начертание?

— Перед началом ритуала снимите все артефакты и верхнюю одежду, — продолжил ректор, не поднимая глаз.

Я застыла, не понимая сути просьбы.

— Простите? Но в прошлый раз мы не раздевались...

— Это вынужденная мера безопасности, Торос. Речь идет о жизни кронпринца. Так что будьте так любезны вытащить из карманов и снять с себя все украшения. Я не хотел бы, чтобы ритуал прошел с нарушениями.

Я надеялась, что ослышалась. Что он пошутил. Что это какой-то жестокий тест на покорность. Раньше мы не снимали одежду. К чему такая мера предосторожности сейчас?

Но ректор медленно поднял голову. Его серые глаза, обычно скрытые за маской безразличия, сейчас смотрели на меня с пугающей практичностью.

— Пиджак, студентка Торос.

Конечно.

Почему бы не добавить еще немного унижения к самому худшему дню моей жизни?

Руки дрожали так сильно, что пальцы не слушались. Пуговицы казались скользкими, живыми существами, которые

пытались вывернуться из моих рук. Я расстегнула первую. Затем вторую. Тяжелая форменная ткань, пахнувшая дешевым стиральным порошком и сыростью общежития, соскользнула с плеч и упала на пол глухим, тяжелым комом.

Под пиджаком осталась только светлая, слегка пожелтевшая от времени рубашка и темная юбка. Ткань рубашки была тонкой, почти прозрачной на свету магических свечей. Я вдруг остро почувствовала себя голой. Уязвимой. Будто с меня содрали не просто одежду, а кожу, оставив нервы открытыми для каждого взгляда, каждого сквозняка, каждой капли магии.

— Обувь тоже, — сухо добавил ректор.

Почему бы не продолжить делать вид, что это обычный день?

Я молча наклонилась. Пальцы плохо гнулись, суставы ныли от напряжения. Шнурки казались запутанными узлами, которые невозможно развязать. Наконец, правый ботинок остался в руке. Потом левый. Я поставила их рядом с пиджаком, аккуратно, словно боясь, что малейший шум вызовет гнев присутствующих.

И шагнула босыми ногами на холодный камень.

Поверхность пола была шершавой, пыльной. Холод мгновенно проник сквозь тонкие чулки, обжег ступни. Казалось, теперь я стала еще беззащитнее. Еще меньше. Камень высасывал из меня тепло, жизнь, остатки той гордости, которую я так тщательно берегла все эти шесть лет.

Именно в этот момент я почувствовала взгляд.

Он был физическим. Осязаемым. Тяжелым, как прикосновение холодной руки к затылку.

Я подняла глаза.

Виерис смотрел на меня.

Принц уже снял пиджак и стоял у края круга, скрестив руки на груди. Его фигура, облаченная в белоснежную рубашку, казалась монолитной, нерушимой скалой на фоне моей дрожащей, жалкой фигурки.

Значит, это касалось не только меня.

От этого почему-то легче не стало.

Белоснежная рубашка подчеркивала широкие плечи и сильную шею. Закатанные до локтей рукава открывали предплечья, на которых едва заметно мерцали тонкие серебряные линии шрамов.

Наверное, именно таким и должен был быть принц из девичьих фантазий. Красивым и недостижимым до несправедливости.

Жаль только, что за этим красивым лицом скрывался человек, который только что подписал мне смертный приговор.

Глава 6

Он не смотрел нагло. Не было в его взгляде той похотливой оценки, которой одаривали меня некоторые студенты-аристократы в коридорах. Я вспомнила, что иногда богатые студенты покупают у хозяина во временное пользование понравившуюся девушку, и меня передернуло.

Но в глазах принца не было насмешки.

Его фиалковые глаза скользили по мне медленно, методично. От бледного лица, на котором выступили пятна нервного румянца, вниз, по ключицам, проступающим сквозь тонкую ткань рубашки, по дрожащим рукам, прижатым к бокам, по босым ногам на холодном камне.

Мне стало не просто страшно. Мне стало тошно.

Я резко отвернулась, пытаюсь заглушить слухи, которые ползли мне в уши: «Хм... О, принц иногда устраивает оргии... Бедная его фамильяр. Она же в них участвует? Ты же уже заметила, что он выбирает только девочек?»

Но сейчас, стоя босиком посреди ритуального круга под его взглядом, я вдруг с ужасом поняла, что не хочу даже думать об этом.

Не хочу знать, что из услышанного правда.

И что мне еще предстоит узнать о человеке, которому я только что продала остаток своей жизни.

Виерис не отвел взгляд. Я чувствовала его на своей спине,

между лопатками, как кубик льда.

Когда я наконец оказалась внутри начертанных линий, воздух вокруг сгустился. Стал плотным, вязким. Запахло озоном и чем-то металлическим, похожим на кровь.

Ректор захлопнул книгу. Звук был громким, как выстрел.
— Начинаем.

Я шагнула в круг. Холодная мозаика словно обожгла подошвы, высасывая тепло из тела.

Принц встал напротив. Расстояние между нами было не больше шага, но казалось пропастью. Ворон все еще сидел у него на плече и смотрел не мигая.

— Птицу нужно убрать, — вырвалось у меня. Голос прозвучал хрипло, но твердо.

Виерис впервые за все время посмотрел на меня почти с интересом. Почти. В его фиалковых глазах мелькнула искра, похожая на отблеск стали перед ударом.

— Нужно? — переспросил он, и в этом одном слове было столько яда.

— Она... она мешает ритуалу. Магические потоки могут исказиться.

Ворон каркнул так громко и резко, будто лично оскорбился.

Ректор даже не поднял глаз от тяжелой книги в кожаном переплете.

— Родовой вестник Баллардов не мешает ритуалу, — заметил Виерис, глядя на ворона с улыбкой. — Так и скажи,

что он тебя пугает. Он пугает многих. И не просто так.

Родовой вестник. Я снова посмотрела на ворона. На черные, переливающиеся синевой перья. На умные, слишком внимательные, почти человеческие глаза. И поняла, что ошиблась. Это была не просто птица. Конечно. У таких, как Виерис Баллард, даже зверюшка не может быть обычной.

И меня действительно пугала эта птица.

Черная птица вспорхнула с плеча принца и пересела на каменную подставку, на которой лежала раскрытая книга.

— Руки, — велел ректор.

Принц протянул мне ладонь. Правую. Без перчатки.

И я вспомнила про то, как одна девочка в общежитии рассказывала, что принц всегда носит перчатку, когда здоровается с людьми. Словно ему неприятно их прикосновение.

Но даже сейчас он снял ее так, будто совершал неприятную обязанность.

Глава 7

Я смотрела на руку принца и не могла заставить себя пошевелиться. Пальцы были длинные, аристократически красивые, бледные, с выступающими венами. Рука человека, который никогда не мыл полы, не стирал чужие рубашки, не касался грязной работы. Рука человека, за которого всегда страдали другие.

— Ты собираешься давать руку? — спросил Виерис, и в его тоне скользнуло лезвие раздражения.

Что-то внутри меня щелкнуло. Страх отступил, уступая место отчаянной, безрассудной злости.

— Простите, что умираю недостаточно быстро, ваше высочество, — бросила я. — Постараюсь исправиться на следующей неделе.

Слова вылетели сами, острые, необдуманные. Я посмотрела на его руку и на ряд одинаковых шрамов. Особенно на последний, свежий.

Ректор замер, его пальцы зависли над страницей. Ворон перестал шевелиться, превратившись в черную статую.

А принц... Принц усмехнулся. Едва заметно, одним уголком губ, но эта улыбка не коснулась его глаз.

— О, ты отмерила себе достаточно долгую жизнь, — с тихой усмешкой произнес он.

— Что?

— Ты никогда не знаешь, что случится завтра. Никто не знает. В этом мире не так много людей, которые заслуживают жизни.

Мне захотелось ударить его. Хотя бы раз. Хотя бы по этой красивой, спокойной, ненавистной физиономии, стереть с нее это самодовольство. Но вместо этого я вложила свою ладонь в его.

Кожа оказалась не просто прохладной. Ледяной. Как у мертвеца, только что вынутого из сугроба. Я невольно вздрогнула, пытаюсь выдернуть руку, но Виерис сжал мои пальцы. Несильно. Но с такой абсолютной, неоспоримой властью, что я мгновенно поняла: вырваться не получится. Мои кости затрещали бы раньше, чем я успела бы моргнуть.

— Начинаем, — произнес ректор.

Он открыл тяжелую книгу на подставке. Страницы зашуршали сами собой, подхваченные невидимым ветром. В круге вспыхнули первые линии. Темное, грязноватое серебро. Живое. Оно поползло по мозаике, шипя, как змеи, окружая наши ноги, связывая нас светом, от которого хотелось выть и царапать стены.

Я невольно посмотрела на тот самый новый символ. На мгновение мне показалось, что он вспыхнул иначе. Ярче. Будто откликнулся с запозданием. Нет. Наверное, показалось.

Или мне просто хотелось верить, что хоть что-то в этом проклятом ритуале может пойти не так.

— Наследник рода Баллардов, принц Виерис, прошу вас, повторите формулу принятия, — учтиво произнес ректор.

Виерис не отвел взгляда. Будто ждал, когда я сломаюсь первой.

— Теперь моя боль — твоя, — произнес он.

Слова вошли в кожу иглами. Я сжала зубы, чувствуя, как по венам разлился холод.

Ректор тут же посмотрел на меня, его лицо было маской безразличия.

— Фамильяр, повторите формулу принятия.

Губы дрожали. Язык казался деревянным.

— Теперь... твоя боль — моя.

Свет вспыхнул ярче, ослепляя. Где-то внутри груди, глубоко под ребрами, что-то болезненно дернулось. Как крючок. Как петля палача. Как чужая, ледяная рука, сжавшая мое сердце и потянувшая его в свою сторону.

— Теперь мои раны — твои, — продолжил принц. Он говорил спокойно. Будто эта формула не превращала меня в живой, дышащий щит.

Я заставила себя повторить, чувствуя, как по щеке течет горячая, предательская слеза:

— Теперь твои раны — мои.

Серебряные линии поднялись выше, обвиваясь вокруг наших запястий, стягивая их невидимыми кандалами. Мне стало холодно. Так холодно, что зубы едва не застучали, а дыхание превратилось в белый пар.

— Теперь мои увечья — твои.

Глава 8

Я закрыла глаза. Нет. Нет. Я не смогу. Я не смогу это сказать. Потому что слово «увечья» было слишком настоящим. Оно пахло лазаретом, зельями, свежей кровью и сломанными костями. Мокрыми простынями и криками, которые глотали подушки в общежитии второго сорта, чтобы не разбудить остальных.

— Повторите, студентка Торос, — голос ректора стал стальным.

Я открыла глаза, встретившись взглядом с фиалковыми безднами принца.

— Теперь... твои увечья — мои.

На этот раз боль ударила сильнее, как разряд молнии.

Я охнула, выгибаясь. Пальцы Виериса чуть крепче сжали мою руку. И это было странно. Почти незаметно. На мгновение мне показалось, что он удержал меня от падения, что в этом прикосновении была не только власть, но и странная, извращенная опора.

Но когда я подняла глаза, то заметила, как внимательно принц смотрит на символ.

Я занервничала. Раньше боли во время ритуала не было... Раньше просто вспышка и всё. А тут явно что-то не так... Ритуал ведет себя странно. И меня это пугает. Но одновременно дает надежду.

— Наследник имеет право использовать магический резерв фамильяра при угрозе жизни, боевой необходимости или истощении собственного источника, — произнес ректор.

Зрение затуманилось, а по щеке поползла горячая, предательская дорожка. Я ненавидела эту влагу, ненавидела своё тело за эту слабость.

Вот оно. Самое страшное. Боль — это одно. Раны заживут или оставят шрамы. Но резерв... Резерв был мной. Моей магией. Моей силой. Тем единственным, благодаря чему я вообще попала в Академию. Тем, ради чего шесть лет терпела унижение, страх и насмешки. И я уже знала, как больно и мучительно он восстанавливается.

Виерис произнес спокойно:

— Я могу взять часть твоего магического резерва, когда мне вздумается.

Пауза повисла, тяжелая и вязкая. Его пальцы были холодными. Чужими.

— Или заберу весь резерв, если сочту это необходимым.

У меня по щекам потекли слезы, капая на наши сцепленные руки. Я слышала собственное дыхание — рваное, сбивчивое, слишком громкое для маленькой каменной комнаты.

Ректор ждал. Принц ждал. Ворон смотрел, склонив голову набок. Мне казалось, что я ему ужасно не нравилась. Я чувствовала, как он наблюдает за мной. Следит внимательно за каждым моим движением.

Все ждали, когда я сама, своими губами, отдам то единственное, что еще оставалось моим. Что делало меня собой. На восстановление магического резерва уходят недели. А некоторые студенты второго сорта умирали от истощения, если хозяин учился слишком усердно.

— Я обязуюсь отдать часть моего магического резерва,
— прошептала я. Голос сорвался, превратившись в жалкий скулёж. Я закрыла глаза, не в силах больше смотреть на него.
— Или весь... если вы этого потребуете.

Свет круга ударил вверх, ослепительно-белый.

Глава 9

Я вскрикнула. Негромко. Скорее выдохнула боль сквозь сжатые зубы, когда что-то внутри меня грубо вырвали с корнем. Что-то в груди оборвалось и тут же связалось заново. Иначе. Неправильно. Будто мое сердце теперь билось не только во мне. Будто где-то рядом, в темноте моей собственной души, появилась тень.

Я почувствовала чужое присутствие внутри себя. Это было отвратительное, интимное вторжение, хуже любого прикосновения.

И тут я поняла, что раньше такого не было. С Селестой все было иначе. Никакой части души Селесты я не чувствовала внутри себя.

— Господин ректор, мне кажется, что что-то не так, — прошептала я, чувствуя странное покалывание.

Однозначно. Раньше этого не было. Ритуал проходил быстро, и я почти ничего не чувствовала. Но сейчас...

Я подняла глаза и увидела, что ректор внимательно смотрит на меня. Ему самому явно что-то не нравилось.

— Ваше высочество, а как вы себя чувствуете? — вдруг встревоженно произнес ректор Моркант.

Мир сузился до точки. До лица принца. До его фиалковых глаз, в которых сейчас плясали отблески угасающего магического круга. До белых волос, упавших на скулу.

Это был последний шанс. Последний. Если он сейчас откажется, если скажет, что с ритуалом что-то не так, у меня, возможно, есть шанс прервать его... Он же не закончен... Шанс есть...

Виерис молчал.

Секунда.

Другая.

Третья.

Словно он действительно размышлял. Словно взвешивал мое будущее в своей руке.

Я смотрела на него, забыв дышать.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Пожалуйста. Скажи, что тоже почувствовал что-то странное! Ректор не станет рисковать, когда речь идет о твоей жизни!

Ворон тихо переступил лапами на каменной подставке. Он внимательно осматривал круг, словно оценивая его. Словно что-то в этом понимая.

Принц опустил взгляд на наши сцепленные руки.

Потом снова посмотрел мне в глаза.

И на одно безумное мгновение мне показалось, что сейчас он скажет: «Отказываюсь».

— Нормально, — кивнул принц.

— Я все-таки настаиваю на том, чтобы мы продолжили ритуал. Мы не можем допустить ситуацию, когда жизнь на-

следника престола окажется под угрозой. Я и так ночь не спал, переживая за вас. И даже приказал удвоить охрану Академии, — заметил ректор.

Глава 10

— Продолжаем, — послышался голос Виериса.

И последняя надежда умерла, тихо и беззвучно, утонув в его спокойном взгляде.

Ректор кивнул, и тени в комнате сгустились, готовые поглотить меня целиком.

— Фамильяр, произнесите заключительную формулу.

— Клянусь служить своему хозяину жизнью, магией и кровью.

Последнее слово сорвалось с губ шёпотом. Свет в круге вспыхнул так ярко, что я зажмурилась.

И в этот момент принц почему-то побледнел. Его глаза на мгновение распахнулись, и я отчётливо увидела, как его круглый зрачок вытянулся в тонкую нить.

Это продлилось одно единственное мгновенье, а потом глаза принца стали прежними.

Тишина обрушилась на ритуальную комнату тяжелее любого крика. Она была плотной, вязкой, звенящей в ушах, словно после взрыва.

Я стояла, жадно глотая спёртый воздух, чувствуя, как по щекам медленно стекают горячие, солёные дорожки слёз. Магический круг погас, но фантомное жжение на коже всё ещё пульсировало.

Рука Виериса по-прежнему сжимала мою ладонь. Его

пальцы были ледяными, твёрдыми, как мрамор, и в этом прикосновении не осталось ни капли той странной, извращённой опоры, что мне померещилась секунду назад.

— Связь установлена, — объявил ректор. Его голос прозвучал глухо, словно из-под толстого слоя воды.

Принц отпустил меня первым.

Резко. Безапелляционно. Словно отбрасывал в сторону отработанный артефакт, к которому больше не было необходимости прикасаться.

Я тут же отдернула руку и судорожно прижала её к груди, сжимая пальцы в кулак. Мне казалось, что если я сейчас разожму ладонь и посмотрю на собственную кожу, то увижу выжженное клеймо. Что-то вроде «собственность принца».

Но там была только моя собственная, бледная, дрожащая кожа. Обычная человеческая плоть, под которой бешено колотился пульс.

— Кар-р-р! — закричал ворон с подставки, ударив крыльями по воздуху так, что меня обдало ветром.

Принц резко повернул голову и посмотрел себе под ноги.

— Вы точно уверены, что ритуал прошёл правильно? — спросил Виерис. — Мне не нравится символ. Он кажется новым.

Ректор посмотрел на круг и вздохнул.

— Да, ваше высочество. Круг... Его пришлось недавно восстанавливать. Кто-то проник сюда и пытался его сломать, — заметил ректор, закрывая тяжёлую книгу. — Но не пере-

живайте. Мы всё восстановили и перепроверили. Я лично перепроверял. Никаких сбоев быть не должно.

— И всё же, — медленно произнёс принц, глядя почему-то на ворона. — Белит! Проверь круг!

Ворон сорвался с подставки, едва не опрокинув тяжёлый фолиант, сделал круг над мозаикой и вернулся обратно.

— Ка-а-а-р, — хрипло произнёс ворон.

— Я тебя слышал, Белит, — произнёс принц, кивнув. — Что ж, Белитаэль считает, что отклонений в рисунке круга нет.

Я видела, что что-то не так. И принцу явно что-то не нравилось.

Значит, я не сошла с ума.

Он тоже заметил.

И всё равно не остановил ритуал.

Глава 11

— Для вашего успокоения, ваше высочество, мы можем прямо сейчас проверить связь, — заметил ректор, косясь на ворона. Кажется, не только я испытываю желание держаться от этой огромной птицы подальше.

Я резко подняла голову, и мир на мгновение качнулся.

— Проверить? — мой голос прозвучал хрипло, испуганно.

— Стандартная процедура, — напомнил ректор, а у меня все заныло внутри.

Виерис уже направлялся к выходу из начертанного на полу круга. Его шаги были бесшумными, плавными. Он остановился у самой границы мозаики, обернулся и посмотрел на ректора.

В его фиалковых глазах не было ни тени волнения. Он смотрел на ректора, но не меня.

— Начинайте проверку, — бросил он.

Армант Моркант не стал предупреждать. Он просто поднял правую руку, и его пальцы сложились в резкий, рубящий жест.

Магия вспыхнула мгновенно.

Это была не искра и не вспышка. Это была ослепительно-синяя, плотная молния, которая с тошнотворным треском вырвалась из ладони ректора и ударила прямо в центр

грудь принца.

Я даже не успела испугаться.

Не успела сделать вдох.

Не успела осознать, что происходит.

Боль взорвалась внутри меня с анатомической точностью.

Будто раскаленный докрасна клинок насквозь пробил грудную клетку, разрывая мышцы, обжигая ребра и задевая само сердце.

Я закричала. Звук вырвался из горла дикий, нечеловеческий, раздирающий связки.

Ноги мгновенно подкосились. Пол с глухим стуком ударил в колени, потом в ладони, когда я попыталась удержать равновесие, и, наконец, в плечо, когда силы окончательно покинули меня.

Я рухнула на холодную мозаику, жадно хватая ртом воздух, но легкие отказывались работать, спазмированные невидимыми тисками.

Каждый вдох превращался в пытку. Каждое биение сердца отдавалось в висках ослепительной, пульсирующей болью, заставляя видеть вспышки за закрытыми веками. Перед глазами плясали черные, липкие точки, похожие на рой голодных мух.

Где-то рядом, словно из другого мира, слышались размеренные шаги.

Я с трудом подняла голову, смахивая с ресниц слезы, и посмотрела вверх.

Виерис подошел ко мне. На его безупречном лице не дрогнул ни один мускул. Черный пиджак не помялся, белые волосы лежали идеально. Он не моргнул, когда молния ударила в него. Он вообще не отреагировал на физическое воздействие.

Он смотрел на меня сверху вниз.

— Связь работает, — произнес он тихо, почти лениво. — Я ничего не почувствовал.

— О, это хорошо, — заметил ректор. — А то вы меня так взволновали, что что-то не так. Оказалось, что работает исправно. Как видите по результату...

Принц присел рядом со мной.

— Постарайся в следующий раз не кричать, — произнес он негромко. И эти слова адресовались мне. — Это неприлично.

— Ах, простите, — простонала я. — Боль вообще редко выглядит и звучит красиво, ваше высочество.

Виерис посмотрел на меня так, словно я сказала что-то неприятное. Не дерзкое. Неприятное именно своей правдой.

— Значит, учись переносить ее достойно, — сказал он. — Приличные фамильяры не устраивают сцен.

Его взгляд скользнул по моим растрепанным волосам, мокрым щекам, дрожащим рукам.

— Да, — добавил он почти задумчиво. — Предыдущая моя фамильярка была лучше. Она хотя бы зажимала рот рукой.

Глава 12

После его слов я сразу представила бедную девушку, которая лежит на полу и зажимает себе рот, чтобы не кричать и своими криками не тревожить принца.

Видимо, меня ждет та же участь.

Тоже мне. Правила этикета для фамильяров! Как правильно переносить боль. Как не кричать от боли. Может, еще в ля мажоре?

— Обещаю, ваше высочество, — простила я, беря себя в руки. — В следующий раз я буду кричать в ля мажоре. Если вам так будет угодно!

— О, это может быть интересно, — усмехнулся принц.

Я закашлялась, чувствуя себя одинокой и брошенной.

Я все еще лежала на полу, не в силах пошевелиться, но мои чувства обострились до предела. Я почувствовала, как мимо пронесся шлейф его запаха.

Принц поднялся и направился к выходу.

Шаг.

Еще шаг.

Тяжелая дубовая дверь со скрипом открылась.

Над моей головой раздался резкий взмах. Ворон сорвался с подставки и вылетел первым, опережая принца буквально на доли секунды. Черные, маслянистые крылья мелькнули в проеме, заслонив на мгновение свет из коридора.

А потом дверь захлопнулась. Я была рада остаться наедине со своей болью. Мне было так обидно за то, что я только что слышала. Человек, не знавший боли, рассуждает, как лучше ее переносить!

В наступившей звенящей тишине я слышала тяжелый, глубокий вздох ректора. Он звучал так, будто он только что сбросил с плеч огромный камень.

Несколько секунд он молчал, давая мне возможность просто лежать и дышать. Потом его шаги приблизились.

— Вставай, Торос, — произнес он, но в его голосе была усталость. Его тон изменился. Это был не приказ, а что-то другое.

Я попыталась опереться на руки, но они дрожали слишком сильно, отказываясь держать вес тела. Я снова рухнула на пол, подавив стон.

Ректор наклонился. Его тень накрыла меня. Он протянул руку и, взяв меня под локоть, помог подняться. Осторожно. Без лишних слов, без привычного ректорского высокомерия.

Я пошатнулась, и мир снова поплыл перед глазами. Он крепче удержал меня, его пальцы впились в ткань моей рубашки, не давая упасть снова.

— Я знаю, что сейчас больно, — сказал он тихо, подавая мне мой пиджак.

Я подняла на него взгляд. В его серых глазах не было той ледяной бездны, что обычно пугала студентов. Там была усталость. Глубокая, изматывающая усталость.

— Откуда? — вопрос вырвался сам собой, прежде чем я успела прикусить язык.

Армант Моркант усмехнулся. Уголок его губ дрогнул в грустной, кривой усмешке. Он медленно поднял свободную руку и кончиками пальцев коснулся длинного, уродливого шрама, пересекающего его левую щеку от виска до подбородка.

— Думаешь, я не знаю, что чувствует фамильяр? — его голос стал хриплым. — Думаешь, этот шрам — сувенир от магической дуэли?

Я замерла, перестав дышать. Слухи в Академии ходили разные, но никто не говорил об этом прямо.

— Когда-то, очень давно, я стоял в этом же самом круге, — продолжил он, глядя куда-то сквозь меня, в прошлое. — На этом же холодном полу. И я тоже думал, что умру. А рядом со мной стоял мой будущий хозяин.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. В этой тишине между нами повисло нечто большее, чем просто сочувствие. Понимание.

Глава 13

— Но вы выжили, — прошептала я, и в моем голосе прозвучала слабая, отчаянная надежда.

— Да, — его пальцы скользнули по рельефу шрама, словно проверяя, на месте ли он. — Выжил.

И Армант задумался. Он нахмурился, явно что-то вспоминая.

Он медленно опустил руку, и маска холодного администратора мгновенно вернулась на его лицо, хотя в глазах все еще тлел отблеск той старой боли.

— Не все умирают, Лиада, — произнес он. — Некоторым удастся выжить даже там, где другие давно бы сдались. Помнишь, что написано в главном зале? «Магия любит сильных».

— Прошу вас, — взмолилась я. — Не надо этих пафосных речей... Мне и так плохо... Прошу вас...

Я попыталась просунуть руку в рукав пиджака. Рука была слабой и все еще дрожала.

— Если не секрет, кто же был вашим хозяином? — спросила я, когда я пыталась застегнуть пиджак.

— Тот, кому я обязан всем, — усмехнулся ректор. И внимательно посмотрел на меня.

Я молчала.

— Почему вы говорите это мне? — наконец прошептала

я.

— Наверное, потому что я был фамильяром твоего отца,
— заметил Армант, глядя мне прямо в глаза.

— Значит, вы были друзьями? — прошептала я, вспоминая момент казни.

— Нет, — протянул ректор. Он замер, а потом усмехнулся. — Сколько себя помню, я мечтал увидеть его мертвым. Мне показалось, что я ослышалась.

— Так вот в чем дело... Именно поэтому вы решили отыгаться на мне? — прошептала я, сжимая кулаки.

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее и злое. И оно было сильнее остаточной боли, которая все еще гудела в моем теле.

— Поэтому вы выбрали меня?

Армант нахмурился.

— Что? — спросил он, бросив на меня взгляд.

— Поэтому вы отдали меня принцу? — прошептала я, понимая, что моя папка попала к принцу не случайно.

Я сжала кулаки.

— Решили отомстить отцу через дочь?

Глава 14

Несколько секунд Армант смотрел мне в глаза. Я выдержала этот взгляд, чувствуя, как злость и обида помогают устоять на ногах.

— Если бы я хотел отомстить твоему отцу через тебя, ты бы не доучилась до седьмого курса, — усмехнулся Армант. — Впрочем, принц сам тебя выбрал. Так что тут разговаривать не о чем.

Сам? От этой мысли стало еще хуже. Случайность можно пережить.

Но если тебя выбрали намеренно — значит, была причина.

Я знала, что бывали случаи, когда кто-то из фамильяров что-то не так сказал, не так посмотрел или чем-то огорчил кого-то из аристократии. И тогда либо аристократ ждал, когда освободится фамильяр. Или менялся фамильярами, чтобы заполучить себе обидчика. Конечно, это не приветствовалось Академией, но студенты могли себе позволить такой обмен. Не чаще, чем раз в год.

— Тебе пора возвращаться в общежитие, — произнес ректор, прижав к себе книгу. — А мне пора вернуться к своим делам.

Я сидела на полу и обувалась, пытаясь дрожащими руками завязать шнурки, как вдруг дверь открылась. На пороге

стоял слуга Академии в черной ливрее.

— Господин ректор, — произнес он. Он подошел к ректору вплотную и стал что-то шептать. Я не могла расслышать то, о чем они говорят.

Глаза ректора на секунду расширились, но он тут же спрятал удивление под маской холода.

— Хорошо, — кивнул ректор, усмехнувшись и глядя на меня.

— Значит так. У тебя полчаса, — строго произнес ректор, поворачиваясь к подставке для книг, чтобы убрать ритуальные принадлежности.

Слуга исчез так же тихо, как и появился.

— На что? — я моргнула, пытаюсь переключить мозг с боли на бытовые задачи.

— Собрать вещи.

Я непонимающе уставилась на его широкую спину.

— Какие вещи? Я не понимаю...

Армант Моркант захлопнул книгу, и облачко древней пыли взвилось в луче света. Он обернулся ко мне.

— Ты переезжаешь.

Внутри все похолодело, сменив физическую боль на липкий, животный страх.

— К-куда?

— В восточное крыло? — выпалила я, и даже сама удивилась тому, с каким облегчением это прозвучало.

Там жили фамильяры самых богатых и знатных студен-

тов. Там были хорошие отдельные комнаты, отличные условия. Намного лучше, между прочим, чем в общежитии. Это было безопасно. Там не было его. Там я могла бы запереть дверь на ночь и хотя бы притвориться, что я свободна.

Но ректор медленно, почти сочувственно покачал головой.

— Не туда.

Мое сердце с глухим стуком провалилось куда-то в бездну желудка.

— Тогда куда? — мой голос дрогнул, предательски срываясь.

Он посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом, в котором читалось то ли сожаление, то ли предупреждение.

— В комнату рядом с личными покоем наследника. В восточной башне главного корпуса.

Глава 15

Мне показалось, что я ослышалась. Или что боль от ритуала повредила мой слух.

— Что? — выдохнула я.

— Это было личное решение принца, — отрезал ректор, не оставляя места для споров. — В смежные апартаменты.

То есть я буду жить через стену от принца?

Комната накренилась, словно корабль в шторм.

Он выбрал меня. Сам. Из всех этих папок, из всех безликих девушек второго сорта. Он не отказался от меня в последний момент. Более того, он сам поселил меня рядом с собой. В свою берлогу. Чтобы я была на расстоянии вытянутой руки.

Чтобы я всегда была под рукой, когда ему понадобится щит? Или дело не в щите?

И почему-то именно сейчас, стоя в пустой, пахнущей озонном комнате, мне стало по-настоящему, до тошноты страшно.

Потому что впервые за все время возник вопрос, на который я совершенно не знала ответа. Вопрос, от которого по спине побежал ледяной пот.

Зачем?

Моя комната встретила меня привычным, до тошноты родным запахом: сыростью старых каменных стен, пылью де-

шевых учебников и приторно-сладким ароматом синтетической лаванды, которым пользовалась соседка. Это пахло домом. Точнее, тем жалким, хрупким подобием дома, которое у меня было последние шесть лет.

Пока я шла по коридору, у меня было время, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Примерно минут десять, чтобы гордо дойти до двери комнаты, делая вид, что ничего страшного не случилось.

Но как только я закрыла за собой тяжелую дверь, отрезая себя от коридора, то несколько секунд стояла, прижавшись к ней спиной, глотая беззвучные слезы.

Дерево было холодным и шершавым, но это единственное, что удерживало меня от падения. А потом колени просто подогнулись. Я сползла вниз, чувствуя, как грубая ткань формы царапает кожу, и уткнулась лбом в колени.

Слезы хлынули сами — горячие, унижительные, вырывающиеся наружу беззвучным, судорожным потоком. Внутри что-то треснуло и обвалилось, оставляя после себя лишь звенящую, пустую боль.

— Чего ревешь?

Голос Эльви, моей соседки, заставил меня вздрогнуть и всхлипнуть, судорожно втягивая воздух. Она лежала на своей узкой кровати, подперев голову рукой. Рядом с ней лежал увесистый фолиант по боевой магии. Эльви даже не поднялась, лишь лениво перевернула пожелтевшую страницу и посмотрела на меня поверх текста. В ее темных глазах не бы-

ло ни испуга, ни сочувствия. Только холодное, оценивающее любопытство.

— Что случилось? — повторила она, когда я не смогла издать ни звука.

— Меня... — голос предательски дрогнул, рассыпаясь на осколки. — Меня назначили фамильяром принца.

Бровь Эльви медленно, с преувеличенной плавностью поползла вверх.

— Да ну?

Я кивнула, и новая волна слез обожгла щеки.

— Это конец, Ви. Это конец.

Она молчала несколько секунд, изучая мое скрученное у двери тело. Потом с глухим стуком захлопнула книгу, скрипнув кроватью.

— Для тебя? Возможно.

Я резко подняла голову, и в груди вспыхнула злость, на мгновение заглушившая страх.

— Ты можешь хоть раз нормально отреагировать?!

— А как? — она искренне, почти по-детски склонила голову набок. — Поплакать вместе с тобой? Обнять и сказать, что все будет хорошо?

Глава 16

— Да хотя бы... так, — прошептала я, понимая, что мне сейчас нужна хоть капелька сочувствия.

— Не буду, — отрезала Эльви, подтягивая колени к груди и обхватывая их руками. — Потому что толку от моего сочувствия ноль. До того, как меня сюда привезли родители, я рыдала трое суток. Громко, надрывно, надрывая горло.

Я замерла, затаив дыхание. Эльви почти никогда не говорила о прошлом.

— Знаешь, что изменилось после моих слез? — продолжила она, глядя куда-то сквозь меня. — Ничего. Родители погладили меня по голове, сказали: «Может, хоть одна из наших девочек выбьется в люди», развернулись и уехали. И оставили меня здесь.

В комнате повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая лишь барабанной дробью дождя по узкому окну.

— Тогда я поняла одну вещь, Лиада, — она перевела взгляд на меня, и в ее глазах вспыхнул холодный, стальной огонь. — Каждый сам за себя. В этом мире нет спасителей. Есть только те, кто выживает, и те, кто становится удобрением для садов Академии.

— Каждый сам за себя... — эхом повторила я, чувствуя, как эти слова врезаются в сознание горькой болью истины.

— Именно.

Я с трудом поднялась, отряхивая форму, и подошла к своему углу. Дрожащими руками я начала выдвигать ящики комода, складывая нехитрое имущество в старую, потертую по углам сумку. Несколько учебников, стопка исписанных тетрадей, два простых платья и единственный теплый платок. Все мое имущество, вся моя жизнь за шесть лет помещалась в этот потрепанный чемодан.

— Они золотые дети, Лиада, — вдруг произнесла Эльви, наблюдая за моими судорожными движениями.

Я замерла, сжимая в руках сложенную рубашку.

— Кто? — прошептала я, теряясь в своем горе.

— Аристократы. — Она фыркнула, и в этом звуке было столько яда, что мне стало не по себе. — Драгоценные. Выстрадавшие. Незаменимые. Единственные в своем роде. От них зависит будущее семей. Удачные брачные сделки, наследование... От них зависит будущее Империи. Ни одна волосинка не должна упасть с головы драгоценного дитя!

Она провела пальцем по корешку своего учебника, оставляя на пыли четкий след.

— А таких, как мы, здесь сотни. Расходный материал.

— Спасибо, — процедила я, чувствуя, как глаза снова наполняются влагой. — Мне сразу стало легче.

— Я не закончила, — ее голос стал жестче. — Раньше, столетия назад, за них дошли магические звери. Это я случайно прочитала в одной из книг.

Я медленно повернулась к ней.

— Что?

— Фамильярами были животные. Волки, грифоны, коты, разная магическая дрянь, а не люди. Они у них силу зачерпывали. Зверюшки помирали вместо нас, — Эльви усмехнулась, но улыбка вышла кривой и недоброй. — Но аристократам зверюшек жалко. Тем более, что удачную зверюшку еще попробуй создай!

— Жалко? — переспросила я, не понимая, к чему она клонит. Я вообще сейчас плохо соображала после пережитого.

Глава 17

— Конечно жалко. Их любят. Они поколениями передаются в знатных семьях как реликвии. Они же родные. Они же «ути-пути». Их кормят с рук, о них заботятся лучшие целители, их хоронят с почестями и ставят памятники.

Губы соседки скривились в гримасе отвращения.

— А нас даже по именам не запоминают. Скажи принцу выбрать, кого спасти — ворона или Академию? У него даже выбор стоять не будет.

Она помолчала.

— А я помню, как на первом курсе мы все дружили. Мой граф бегал к целителям каждый раз, когда со мной что-то случалось. То одно принесет, то другое. Сам сидел рядом. Ему было стыдно. А сейчас что? Вон, схлопотала ожог. Болит жутко... Мазь почти не берет... А он просто мимо прошел, как ни в чем не бывало. Так что я уже ничему не удивляюсь.

У меня защипало в носу. Я резко захлопнула крышку чемодана, застегивая ремни с такой силой, что пряжка звякнула, как выстрел.

— Меня будут использовать как живой щит! — выкрикнула я, и эхо заметалось по тесной комнате. — Меня убьют!

— Всех используют, — парировала она с пугающим спокойствием. — И нас всех убьют. Просто кому-то повезет

умереть позже.

Меня затрясло мелкой, неконтролируемой дрожью.

— Я всегда знала, что ты бесчувственная тварь, Эльви.

Она замерла. Несколько секунд она смотрела на меня. Без злости. Без обиды. Без привычной насмешливой усмешки. Потом она медленно, почти церемонно закрыла учебник и сползла с кровати на пол.

— А я не бесчувственная, — произнесла она. Ее голос вдруг стал тихим. Пугающе тихим, лишенным всякой брони.

Она отвела взгляд к запотевшему окну, за которым сгустились сумерки.

— Просто внутри меня уже так много своей боли, Лиада... Что чужая просто не помещается.

И впервые за все шесть лет нашего соседства мне показалось, что ее глаза блестят не от отражения света, а от непролитых слез. Ее подбородок дрогнул. Но это длилось лишь мгновение. Эльви моргнула, и привычная маска ледяного равнодушия с лязгом встала на место.

Она кивнула на мой чемодан.

— Собирайся давай.

— Зачем такая спешка? — спросила я, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

— Потому что принц ждать не любит. А опоздание фамильяра карается строже, чем прогулы.

Она помолчала, барабанив пальцами по обложке книги. В комнате снова стало неуютно тихо.

— И знаешь... — начала она, не глядя на меня.

— Что?

— Не обольщайся. Не думай, что ты особенная. Все предыдущие фамильяры Виериса Балларда тоже жили в смежных с ним покоях. Может, потом расскажешь, что принц делает с ними, раз они у него так частодохнут.

У меня похолодели руки. Холод пополз от кончиков пальцев вверх, сковывая грудную клетку.

Эльви долго смотрела на меня. Слишком долго. В ее темных глазах читалось что-то такое, от чего мне захотелось закричать и заткнуть уши. Но она не сказала ни слова. Она просто отвела взгляд, снова уставившись в пустоту за окном.

— Собирайся, Лиада, — тихо повторила она. — И помолись, если еще веришь во что-то подобное.

Глава 18

Я вышла из комнаты с чемоданом в руке и с тяжелым, вязким ощущением, что меня уже похоронили. Просто вопрос времени.

Эльви не стала меня провожать. Она так и осталась стоять у узкого окна, скрестив руки на груди, и смотрела в темное, запотевшее стекло, по которому медленно стекали тонкие, извилистые дорожки дождя. Ее молчание было громче любых прощальных слов.

— Лиада, — вдруг произнесла она, когда моя рука уже легла на холодную медную ручку двери.

Я замерла, не оборачиваясь.

— Что?

Эльви не повернула головы. Ее голос прозвучал негромко.

— Не плачь при нем.

Я сжала пальцы на ручке чемодана так сильно, что суставы побелели и заныли.

— Почему? — удивилась я. Щеки стянуло от слез, но внутри было такое чувство, словно я все уже выплакала и больше плакать нечем.

Она помолчала, и в этой паузе было что-то пугающе отрезвляющее.

— Потому что если он правда чудовище, ему это понравится. Слезы для таких — как кровь для хищников.

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод, заставляя сжаться внутренности.

— А если нет? — мой голос предательски дрогнул.

Эльви наконец медленно повернула голову. В полумраке комнаты ее лицо казалось чужим, застывшим в маске циничной мудрости.

— Тогда тем более.

Я не стала переспрашивать, что она имеет в виду. И, наконец, подсознательно не хотела понимать. Я просто потянула ручку на себя и шагнула в коридор.

Общежитие второго сорта встретило меня своим неизменным, въевшимся в стены запахом: сыростью старого камня, горьковатым ароматом дешевых лекарственных трав, запахом чьего-то старого, протухшего зелья, который не выветривался годами, и свежестью стирального порошка.

Где-то за тонкой перегородкой стены надрывно кашляли. Кому-то досталось сегодня на боевой магии. На первом этаже, эхом отражаясь от каменных сводов, кто-то хрипло ругался из-за перебоев с горячей водой.

По лестнице, сбивая дыхание, пробежала первокурсница с охапкой конспектов, но, увидев меня, резко затормозила и прижала книги к груди.

Слухи уже разошлись.

Конечно. В Академии сплетни летали быстрее любых заклиний.

Я шла по длинному коридору, и за моей спиной двери

приоткрывались одна за другой, словно пасти невидимых зверей. Сначала тихий, осторожный щелчок задвижки. Потом узкая, желтая полоска света, выхватывающая кусок пола. А потом — глаза.

Чужие. Жадные. Испуганные. Нездорово любопытные.

Кто-то смотрел на мой потрепанный чемодан, оценивая мое жалкое имущество. Кто-то — на мое бледное, осунувшееся лицо. А кто-то — на мою левую руку, которую я машинально прижимала к груди, где под ребрами стучало упрямое сердце, не желающее останавливаться по воле его высокого чества.

— Это она? — донесся приглушенный шепот.

— Ее выбрал Баллард?

— Живая еще...

— Тише! Говорят, предыдущую вынесли утром. В мешке.

Я выпрямила спину и сделала вид, что не слышу. Не получилось. Каждое слово липло к коже, как грязь, от которой невозможно отмыться.

На лестничной площадке две девушки с младших курсов прижались к холодной стене, пропуская меня. Одна смотрела на меня с таким немым ужасом, будто я уже стала призраком, бродящим по коридорам. Вторая, наоборот, с плохо скрытой, ядовитой завистью скользнула взглядом по моему чемодану.

— Повезло же, — прошептала она, не в силах сдержать язык. — В главную башню... К принцу... Лично...

Я резко остановилась. Чемодан глухо стукнул о ступень.

Девушка побледнела, осознав свою оплошность. Ее подруга в панике дернула ее за рукав, но было уже поздно.

— Повезло? — переспросила я.

Глава 19

Мой голос прозвучал тихо. Слишком тихо, почти ласково, что испугало их больше, чем крик.

Первокурсница судорожно сглотнула.

— Я... Я не то имела в виду...

— Конечно, — я криво усмехнулась, чувствуя, как губы предательски дрожат. — Роскошная комната. Еда получше. Может, даже новую форму дадут, платье, чтобы я могла сопровождать принца.

Она опустила глаза, не в силах выдержать мой взгляд.

— Да, — слышался ее голос.

Я сделала шаг ближе, нависая над ней.

— И красивая, быстрая смерть. Чтобы не мучиться.

Я улыбнулась болезненной и злой улыбкой.

— Наверное, поэтому ты мне завидуешь?

Девушка отшатнулась, ударившись плечом о стену. Я не стала ждать ответа, подхватила чемодан с книгами и пошла дальше.

Пусть боятся. Пусть смотрят. Пусть шепчутся за спиной. Сегодня у меня больше не осталось сил притворяться хорошей, покорной или достойной их жалости.

Когда я вышла из общежития, дождь уже превратился в мелкую, колючую ледяную морось. Небо висело над Академией низко, тяжелое, почти черное, давящее на плечи. Баш-

ни главного корпуса терялись в густом тумане, и только верхние окна горели ровным желтым светом, словно глаза огромного дремлющего зверя, наблюдающего за своей добычей.

Восточная башня возвышалась над остальными постройками. Узкая. Острая. Слишком высокая. Она казалась не частью архитектурного ансамбля Академии, а ее гигантским каменным когтем, намертво вонзившимся в небо.

Там жил наследник. Там располагались королевские покои.

Мне туда.

Я шла по мокрой, скользкой дорожке, и чемодан глухо бился о ногу на каждом шаге, выбивая из меня последние силы. Ткань плаща намокла почти мгновенно, став тяжелой и ледяной. Мокрые пряди волос липли к вискам и шее. А боль после ритуала все еще тлела внутри, будто кто-то оставил под моими ребрами раскаленный уголь, который медленно, но верно прожигал плоть.

У массивного входа в главный корпус дежурили двое стражников в темной, расшитой серебром форме. Они уже знали. Это читалось в каждой черте их лиц: в том, как один демонстративно отвел взгляд в сторону, а второй слишком резко, напряженно расправил плечи.

— Студентка Торос? — спросил он, и в его голосе не было ни приветствия, ни сочувствия. Только констатация факта.

— Да.

— За мной. Нам уже сообщили о вашем перемещении.

Он не сделал ни попытки предложить взять мой чемодан. И это было к лучшему. Я бы не отдала. Эта потертая сумка была единственным, что у меня осталось от моей прошлой, пусть и жалкой, но своей жизни.

Главный корпус встретил меня давящей тишиной и подавляющей роскошью.

Здесь жила элита. Сюда приезжали их родители, любуясь красотами Академии и достижениями магии. Здесь не было запаха лекарств и порошка. Здесь всегда пахло чем-то приятным и дорогим.

Мраморный пол блестел так безупречно, будто его мыли не водой и тряпкой, а магией, чтобы отполировать шелком. По высоким стенам тянулись темные, позолоченные портреты бывших ректоров, королей и магистров, лучших выпускников.

Они смотрели сверху вниз с одинаковым выражением усталого, скучающего превосходства, оценивая мое право находиться здесь и вынося молчаливый, неутешительный приговор.

Я поднималась по широкой лестнице и с каждым шагом чувствовала, как мои мокрые, грязные подошвы оставляют на идеальном мраморе темные, уродливые следы. И почему-то именно это казалось самым унижительным. Будто я принесла сюда грязь общежития второго сорта. Будто сама была этой грязью, которую вот-вот смоят.

Мы миновали второй этаж. Потом третий.

Постепенно коридор сузился. Стены стали темнее, обшитые панелями из черного дуба. Окна — выше, уже, похожие на бойницы. Светильники здесь горели не теплым золотом, а холодным фиолетовым пламенем, от которого моя кожа казалась мертвенно-бледной, а тени ложились неестественно резко.

У подножия узкой винтовой лестницы стражник остановился.

— Дальше сама, — произнес он, не глядя на меня.

Глава 20

Я подняла голову, чувствуя, как учащается сердцебиение. Лестница уходила вверх, теряясь в густом полумраке.

— Почему?

Он посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден даже для ребенка.

— Это личная территория наследника. Посторонним вход воспрещен.

— Спасибо, что проводили, — вырвалось у меня с горькой усмешкой.

Стражник сделал вид, что не услышал моей благодарности. Он лишь шагнул к каменной арке и приложил ладонь к холодному камню. В воздухе мгновенно вспыхнули тонкие золотые магические линии, сплетаясь в сложный узор. Замок узнал его прикосновение, тихо щелкнул, и барьер исчез.

— Ваша комната справа от покоев его высочества, — бросил он напоследок.

Стражник уже отвернулся, возвращаясь на свой пост. А арка за моей спиной погасла, золотые нити растворились, намертво отрезая мне путь назад.

Я осталась одна. С чемоданом. На лестнице, ведущей прямо в логово принца.

Наверху было тихо. Слишком тихо.

А потом откуда-то из темноты послышался знакомый

звук.

Кар-р-р.

Ворон.

Я поднималась медленно, цепляясь за холодные каменные перила. Каждая ступень отдавалась тупой, ноющей болью в груди, напоминая о магической связи. Раз. Еще одна. Еще.

Академия с ее вечными голосами, шагами, скрипом дверей и шумом дождя осталась где-то далеко внизу. Здесь не было ничего, кроме моего сбивчивого дыхания, глухого, пугающе громкого стука сердца и шороха ткани чемодана о камень.

На последней площадке я увидела две двери.

Первая была высокой, массивной, выполненной из темного, почти черного дерева. В центре красовался огромный герб Баллардов: дракон, сжимающий в острых когтях королевскую корону. И ворон, кружащий над драконом.

Рядом была вторая дверь. Ниже. Уже. Без герба. Без украшений.

Моя каморка. Я поняла это сразу, еще до того, как увидела табличку. На ручке висела тонкая серебряная пластина.

Лиада Торос.

Буквы были выгравированы безупречно, но металл вокруг них казался слишком свежим, не потускневшим. Будто мое имя прибили сюда еще до того, как я успела перестать плакать в комнате общежития. Будто мой приговор был подписан задолго до моего согласия.

Я протянула дрожащую руку и коснулась пластины кончиками пальцев. Холодная. Мертвая.

Рядом, на соседней, огромной двери, не было ни имени, ни таблички. Только дракон. Только зловещий ворон. Только корона. Только он.

Я сглотнула сухой ком в горле, крепче перехватила ручку чемодана и нажала на свою дверь.

Она открылась легко, без единого скрипа, приглашая меня внутрь.

Глава 21

Комната за порогом оказалась не просто роскошной — она была оскорбительно, неправдоподобно богатой, словно изощренной насмешкой над всем моим предыдущим существованием.

Я застыла на пороге, не решаясь переступить черту, отделяющую мое жалкое, промокшее насквозь прошлое от этой золотой клетки.

Высокое арочное окно занимало почти всю стену. За толстым холодным стеклом дождь стекал серебряными извилистыми нитями, а далеко внизу, в густом тумане, тонули серые крыши Академии.

У окна стоял массивный письменный стол из темного, полированного до зеркального блеска дерева. На нем — латунная лампа с зеленым абажуром, тяжелая хрустальная чернильница, стопка идеально белой бумаги и нетронутый набор перьев.

У дальней стены стояла она. Не узкая скрипучая койка с проваленным матрасом, к которой я привыкла за шесть лет. А настоящая широкая кровать с высоким резным изголовьем и тяжелым покрывалом цвета темной аметистовой грозы. На полу, поглощая звук моих шагов, лежал мягкий ворсистый ковер. В углу возвышался шкаф с зеркальной дверцей, а рядом — мраморный умывальник с белой фарфоро-

вой чашей. Из изящного серебряного кувшина поднимался тонкий, манящий пар.

Горячая вода.

Я вдруг с остротой осознала, что за последние шесть лет горячая вода казалась мне недостижимой роскошью, которую нужно было вымолить, заслужить или украсть. Здесь же она просто была. И это удивляло.

На прикроватной тумбе лежала аккуратно сложенная ночная рубашка. Белоснежная, из тончайшего шелка, настолько невесомая, что я боялась даже дышать рядом с ней, чтобы не испортить ткань своим тяжелым, грязным дыханием.

Я медленно вошла и поставила свой потрепанный чемодан на пол. Ворс ковра мягко прогнулся под моими стоптанными подошвами. Чистый. Безупречный.

И от этого контраста я почувствовала себя не просто чужой, а неисправимо, до самой глубины души грязной. Я не знала, куда деть руки, не знала, имею ли моральное право присесть на край этой кровати или открыть дверцу шкафа. Все вокруг было слишком дорогим для той, чья жизнь утром стоила меньше, чем месяц оплаты обучения.

Я обернулась к двери, намереваясь хотя бы на секунду закрыть ее от этого давящего великолепия, и только тогда заметила деталь, от которой по спине пробежал ледяной холод.

С внутренней стороны не было ключа.

Я нахмурилась, подойдя ближе, и провела ладонью по гладкой, прохладной древесине. Замок был. Сложный, мас-

сивный, с серебряной фурнитурой. Но ключа не было ни в скважине, ни на крючке, ни на тумбе. Я не могла закрыть дверь изнутри. Она закрывалась только снаружи. И открывалась там же.

Сердце сделало тревожный кувырок. Я резко дернула тяжелую ручку. Дверь послушно открылась. Я выдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах, затем снова закрыла ее и открыла. Работает.

Почти облегчение уже начало подниматься в груди, разжимая тиски страха, когда мой взгляд зацепился за едва заметную тонкую линию магического контура, выжженную прямо на косяке.

Я знала такие печати. Они не мешали открыть дверь изнутри... пока хозяин не прикажет обратное. Пока тот, у кого есть ключ к печати, не решит, что я должна остаться внутри.

Я отступила на шаг, и иллюзия свободы рассыпалась в прах. Значит, эта дверь в любой момент могла стать клеткой. Не железной, не грубой, не очевидной. Но клеткой. Золотой, мягкой, с горячей водой и фиолетовым покрывалом, из которой нет выхода.

Я заставила себя отвернуться. Не думать об этом. Не сейчас. Нужно было разложить вещи, создать иллюзию нормальности, хотя я и сама не знала, сколько мне здесь отмерено. Неделю? Месяц? Год, если мне невероятно повезет?

Я подошла к шкафу и потянула дверцу на себя. Внутри пахло полированным деревом, старой бумагой и легкой, едва

уловимой лавандой. Полки были пусты. Почти.

На самой нижней полке, в темном углу, лежала маленькая серебряная шпилька.

Глава 22

Я замерла. Потом медленно, словно боясь спугнуть призрака, наклонилась и взяла ее двумя пальцами. Шпилька была тонкой, изящной, с крошечной тусклой жемчужиной на конце. Не моя. Конечно, не моя. Слишком дорогая для студентки второго сорта.

Предыдущей? Или той, что была до нее?

Я сжала шпильку в ладони, и холодный металл больно впился в кожу, возвращая меня в реальность. Здесь уже жили. Здесь смеялись, плакали, спали на этой широкой кровати, смотрели в это окно и открывали этот шкаф.

Та, что еще вчера жила в этой комнате, была уверена, что вернется. Но она не вернется.

Резким движением я распахнула вторую дверцу. Пусто. Третью. Пусто.

Но потом мой взгляд зацепился за внутреннюю стенку шкафа, у самой дальней петли. Сначала я подумала, что это случайная царапина от мебели. Но нет.

Там были буквы. Очень маленькие, неровные, выцарапанные чем-то острым прямо на лакированном дереве, словно в отчаянной спешке.

Я наклонилась ближе, и пальцы мгновенно похолодели.

Э. М.

Чьи-то инициалы.

Я провела подушечкой пальца по этим углублениям, чувствуя шероховатость дерева, и вдруг с ужасающей ясностью поняла, что не хочу знать, что они означают. Совсем не хочу.

Хотя в душе я понимала. Кто-то вырезал свои инициалы, чтобы хоть в этих линиях оставить память о себе. О том, что была такая девочка. И однажды она умерла. И о ней никто никогда не вспомнит.

Я отшатнулась и с грохотом захлопнула дверцу шкафа.

Звук прозвучал в тишине комнаты слишком громко, как выстрел. И почти сразу за смежной стеной что-то тихо скрипнуло.

Я замерла, превратившись в слух. Смежная стена. Там были его покои. Виерис.

Я стояла посреди этой роскошной, проклятой комнаты, сжимая в кулаке чужую шпильку, и слушала эту давящую тишину за стеной. Он был слишком близко.

Через холодный камень. Через тонкую дверь. Через магическую связь, которая теперь жила под моей кожей, пульсируя в такт моему собственному, загнанному сердцу.

Сделав над собой усилие, я подошла к столу, чтобы положить злополучную шпильку, и только тогда заметила бумаги.

Их было несколько, разложены они были с пугающей, педантичной аккуратностью, словно кто-то специально ждал, пока я их найду.

“С этого момента вы переводитесь на график обучения его высочества и обязаны посещать все занятия, которые по-

сещает он. Новое расписание вы увидите в ящике стола”.

И подпись ректора.

Я открыла ящик стола и увидела сложенный лист. Мое новое расписание. Так. Сегодня у нас аргаст или миргаст... Миргаст! Эм... По старому... Вторник, да? Так, а что у нас во вторник?

Я почувствовала, как дрожат кончики пальцев. Завтра у принца двумя первыми уроками стоит боевая магия. Она у него почти всю неделю.

Я вспомнила молнию ректора.

И впервые за весь день поняла одну простую вещь.

Сегодняшняя боль была всего лишь знакомством.

Глава 23

«Боюсь, что боевую магию у принца я не переживу!» — вздохнула я, чувствуя, как на плечи давит чувство обреченности.

Я уже наслышана о боевой магии и ее последствиях. Я слышала стоны за стеной от тех, кто все еще пытается оправиться от ран, предназначенных хозяину. И мне стало вдруг не по себе.

Я вздохнула, беря себя в руки. Может, все обойдется? Будем на это надеяться.

Чемодан требовал внимания.

Я заставила себя открыть потертую крышку. Учебники с загнутыми углами и выцветшими корешками легли на идеальную полку из красного дерева, как инородное, чужеродное тело. Тетради, исписанные моим мелким, торопливым почерком, исчезли в ящике стола. Два простых платья, выцветшие от частых стирок, повисли в шкафу.

Шпилька все еще лежала на столе, а я старательно отводи-ла взгляд, боясь, что если задержу его хоть на секунду, материализую призрак той, кто оставил ее здесь. Девушки, кото-рая еще вчера засыпала под этим фиолетовым покрывалом, уверенная, что проживет еще один день.

Когда чемодан опустел, оставив после себя лишь слабый запах старой ткани и дорожной пыли, я заметила тяжелую

дубовую дверь в глубине комнаты. За ней скрывалась ванная.

Белый мрамор, холодный и безупречный. Тяжелые серебряные краны, отполированные до зеркального блеска. И в центре — огромная, глубокая ванна из состаренной меди, до краев наполненная водой, от которой поднимались густые, ленивые клубы пара.

Я застыла на пороге. Потом, словно во сне, подошла ближе и осторожно, кончиками дрожащих пальцев, коснулась поверхности.

Горячая. Настоящая.

По коже пробежала мелкая, нервная дрожь. Последний раз я позволяла себе такую роскошь лет десять назад. До Академии. До промозглого общежития с его ледяными душами. До клейма фамильяра. До того, как моя жизнь превратилась в этот бесконечный, липкий кошмар.

Я разделась, стараясь не смотреть в огромное зеркало, чтобы не видеть синяков и болезненной бледности своей кожи, и медленно, ступенька за ступенькой, опустилась в воду.

Тепло обняло тело, тяжелое и всепрощающее. Оно просачивалось в поры, расслабляя напряженные мышцы.

Фантомная боль после ритуала никуда не исчезла, она все еще тлела где-то под ребрами, но впервые за этот бесконечный, изматывающий день стала терпимой, приглушенной.

Я запрокинула голову на гладкий край ванны и закрыла глаза.

Только на минуту. Только чтобы вычеркнуть из головы его фиалковые глаза, ледяное спокойствие, завтрашнюю боевую магию, проклятую шпильку и безликие тени девушек, которые занимали это место до меня. Я хотела быть просто телом в теплой воде. Ничем больше.

Иллюзия рухнула с оглушительным грохотом.

Звук был таким внезапным и мощным, что я вскрикнула, захлебываясь паром. Что-то невероятно тяжелое рухнуло совсем рядом. За тонкой, проклятой стеной. В его покоях. Звон разбитого стекла, скрежет разрываемого дерева и глухой, вибрирующий удар, от которого содрогнулся весь каменный каркас башни.

В следующее же мгновение мой собственный мир взорвался.

Глава 24

Это не было похоже на удар молнии в ритуальной комнате. Это было мгновенное, тотальное вторжение. Будто невидимый, раскаленный крюк вонзился мне прямо в солнечное сплетение и рванул на себя с чудовищной, нечеловеческой силой.

Воздух с хрипом вырвался из легких. Вода в ванне мгновенно показалась мне ледяной, а затем обжигающе горячей.

Я дернулась, пытаюсь вскочить, но тело не слушалось, скрученное невидимым, парализующим спазмом. Сердце пропустило удар, затем забилося в дикой, панической аритмии, отдаваясь в висках пульсирующей, ослепляющей болью.

Где-то там, за стеной, Виерис получил удар. И магическая связь, безжалостная и мгновенная, транслировала эту агонию прямо в мои нервы, заставляя меня корчиться в воде.

Я судорожно вцепилась в медные края ванны, но ногти заскользили по гладкому, намокшему металлу. Вода хлестала мне в лицо, в нос, в рот. Я кашляла, задыхаясь, не в силах ни выпрямиться, ни закричать, потому что крик застревал в горле, сдавленный чужой, пульсирующей агонией, которая теперь стала моей собственной.

А потом я почувствовала, как что-то резануло мою руку, да так, что кровь тут же хлынула из распаренного тела.

“Только не теряй сознание!” — приказала я себе, выбираясь из ванной и хватая полотенце. Меня трясло. Капли крови отмечали мою дорогу на белом мраморе. Я бинтовала руку полотенцем, пытаюсь побороть подступающую тошноту.

С трудом я схватила ночную рубашку и натянула ее на себя. Полотенце пропиталось кровью, а я прижала его к ране, пытаюсь залечить ее заклинанием. Но попробуй поколдуй, когда у меня трясутся руки.

Сначала я бросилась к чемодану в поисках бинтов и лекарств, но тот жалкий кусочек бинта, который у меня остался, не годился для такой серьезной раны. Лекарства у меня тоже кончились. И новые не выдавали, ведь моя хозяйка покинула Академию. Зачем мне обновлять аптечку?

Я бросилась к двери ванной, потом к двери, ведущей в коридор, и опомнилась только после того, как занесла руку, чтобы постучать.

Может быть, я бы и постучала, если бы не услышала незнакомый хриплый голос.

— Конечно же, я все проверил. Круг выполнен верно.

— Я чувствую, что что-то не так. Последняя фраза... Раньше такого не было, — ответил принц, а я попятилась.

— Чего именно, мальчик мой? — хриплый голос звучал с тревогой.

— Не знаю, — коротко ответил принц. — Но с ритуалом явно что-то не так.

— Там кто-то пришел! — хриплый голос заставил меня

замереть на месте.

У меня был выбор: броситься в мою комнату или... сделать вид, что я только что пришла и ничего не слышала.

Глава 25

Я осторожно, словно боясь издать лишний шорох, стала двигаться в сторону своей комнаты.

— Войди! Я знаю, что ты стоишь под дверью! — ленивый голос принца заставил меня шагнуть к двери.

Я толкнула дверь и вошла в его покои. Комната была чистой, как прежде. Никаких следов борьбы я не увидела, хотя кто его знает, что здесь случилось минут семь назад. Но более того, я не увидела второго собеседника. Только принц и его ворон. Больше в комнате никого не было.

Но больше всего меня поразила не роскошь.

Картины.

Целая стена от пола до потолка была занята полотнами в тяжелых золотых рамах. Портреты, батальные сцены, пейзажи, натюрморты. Их было столько, что они напоминали не жилую комнату, а частную галерею какого-нибудь безумно богатого коллекционера.

Их было столько, что я невольно задалась вопросом: принц вообще здесь живет или открыл собственный музей?

Даже подсвечник на столе выглядел так, словно его создавали не для освещения комнаты, а для выставки.

Ворон сидел на спинке кресла с закрытыми глазами, словно задремал.

— А, это ты, — произнес принц и тут же отвел взгляд,

словно мое появление было не более чем досадной помехой в его созерцании дождя. — Что тебе нужно?

Он стоял у высокого арочного окна, заложив руки за спину. Его силуэт вырисовывался на фоне серого, свинцового неба безупречно прямым и спокойным. Будто он действительно провел последние десять минут в безмятежной медитации, любясь потоками воды, стекающими по стеклу.

Я замерла на пороге, не решаясь сделать шаг внутрь.

На долю секунды в голове проскользнула предательская, почти безумная мысль: может быть, мне действительно показалось? Может быть, магическая связь просто решила показать мне кошмарный фантом, чтобы проверить мою психику на прочность? Фантомы тоже случались. Я вот, например, на третьем курсе поймала фантом. Прямо посреди ночи. У меня даже кровь пошла из плеча. Потом я выяснила, что хозяйка в этот момент безмятежно спала.

Только я подумала про фантом и успокоилась, как мой взгляд скользнул по ковру.

На густом, темном ворсе ковра возле массивного камина чернели несколько капель. Совсем немного. Если не смотреть специально, их можно было и не заметить. Но я заметила. Я заметила их густую, вязкую текстуру, которая не впитывалась в ткань, а лежала на поверхности тяжелым, металлическим блеском. Я слишком хорошо знала, что это. Это — кровь.

И принц заметил, что заметила я.

Его фиалковый взгляд на мгновение, всего на долю секунды, скользнул в ту сторону. А затем вернулся ко мне, таким же непроницаемым и ледяным, как и раньше.

— Что-то случилось? Я... Я просто услышала шум и решила проверить, — прошептала я, и мой голос предательски дрогнул, разбиваясь о тишину комнаты.

— Ничего особенного, — прозвучал короткий ответ. — Просто очередное покушение.

— Покушение, — выдавила я, глядя на свою руку, которая истекала кровью в полотенце.

— А ты, видимо, мылась? — спросил принц, глядя на мои мокрые волосы.

Глава 26

— Как видите, — выдохнула я.

— Ах, извините, убийцы расписание не предоставляют,

— заметил Виерис с легким высокомерием.

Принц тоже посмотрел на мое полотенце.

— Вот теперь я окончательно убедился, связь работает исправно, — перебил принц, не давая мне договорить. — Хотя вопросы к ритуалу у меня всё ещё остались.

Я встрепенулась. Ему тоже не дает покоя этот ритуал.

— Я тоже заметила странности, — произнесла я, вспоминая новый символ и часть восстановленного круга. Виерис посмотрел на меня так, словно я позволила себе вмешаться в разговор, который меня не касается.

— И ты пришла это обсудить? — холодно спросил он. Этот обжигающий холод, идущий от него, заставил меня замолчать.

— Нет... Я пришла не ради обсуждения ритуала, — произнесла я, хотя ритуал меня тоже волновал.

Я стиснула зубы, чувствуя, как желваки ходят ходуном под кожей.

— Кто вообще разрешал тебе сюда приходить? — снисходительно произнес принц.

— В комнате нет лекарств, — прошептала я, глядя на горстку пепла. — Мне бы хотя бы бинты... Мои кончились...

Если можно...

Я посмотрела на Виериса, чувствуя неловкость.

— У меня нет бинтов, лекарств, — усмехнулся принц. — Откуда они у меня должны быть?

— Простите...

Мне показалось, или он скрипнул зубами?

От этой абсолютной, ледящей холодности внутри вскипела ярость. Хотелось швырнуть в его безупречное, надменное лицо чем-нибудь тяжелым. Или просто разрыдаться от бессилия, боли и унижения. Но в ушах зазвенели слова Эльви, отрезвляющие, как пощечина: «Не плачь при нем. Никогда».

Я сглотнула ком в горле, еще крепче сжимая в пальцах смятое, уже начавшее подсыхать окровавленное полотенце.

И тут мой взгляд зацепился за еще одну деталь.

Возле каменной плиты камина лежала небольшая горстка серого пепла. Не легкая, пушистая зола от дров. Не обугленные клочки бумаги. Этот пепел был темным, плотным, почти маслянистым на вид. Будто что-то сожгли здесь совсем недавно, специально и с невероятной силой. И от центра этой кучки все еще поднималась тонкая, призрачная струйка дыма, несущая с собой едкий, тошнотворный запах паленой шерсти и выжженной магии.

— И что же ты тут высматриваешь? — резко, как удар клинка, рассекающий воздух, произнес принц. — Я же сказал, что бинтов у меня нет. Пусть Академия тебя ими и снаб-

жает.

На секунду в комнате воцарилась такая звенящая тишина, что я отчетливо слышала, как капли дождя барабанят по стеклу, словно отсчитывая секунды до взрыва.

Впервые за весь этот короткий, язвительный разговор Вирис перестал смотреть сквозь меня. Его внимательный, цепкий взгляд скользнул по мне сверху вниз. По сжатому в кулаке окровавленному полотенцу. По бледной, почти прозрачной коже моего лица. По мокрым прядям волос, которые все еще липли к шее, оставляя холодные следы.

— А еще ты испачкала ковер, — произнес он, а в голосе прозвучала брезгливость.

Мне вдруг стало обидно. Ни лекарств, ни бинтов. Ничего. А тут еще и он смотрит так, словно это моя вина, что удар пришелся по его руке.

— Это вообще-то моя кровь, — ответила я, прижав полотенце крепче к руке. — А могла быть и ваша!

Несколько долгих, тягучих секунд мы смотрели друг на друга, и воздух между нами наэлектризовался, как перед грозой.

— Для этого мне и нужен фамильяр. А теперь запомни правило. После ритуала говорить о «своем» фамильяре уже несколько наивно, не находишь? — бросил он, поворачиваясь обратно к окну, словно разговор был исчерпан.

Ах да, я и забыла, что фамильяр становится собственностью хозяина! Как я могла забыть о таком!

— Значит, и моя кровь, которая пачкает ковер, ваша! — заметила я. — Она же принадлежит вам? Так что я пачкаю ваш ковер вашей кровью.

Ворон резко открыл глаз, глядя на меня.

Потом второй.

И впервые за весь разговор повернул голову в сторону принца.

Глава 27

Он сделал шаг. Паркет не скрипнул, но воздух сгустился, повис тяжёлой пеленой, давящей на ключицы. Я инстинктивно напряглась, втянув плечи. Каждый нерв требовал отступить, но я осталась стоять.

— Моё терпение не безгранично, фамильярка.

Голос прозвучал ровно, без единой угрожающей ноты. От этого стало только страшнее.

В следующее мгновение его пальцы сомкнулись на моём предплечье. Прямо поверх влажной ткани, там, где рана уже начала мокнуть. Кожу обожгло ледяным прикосновением.

Я взвизгнула — тонко, по-птичьи, но тут же прикусила губу. Кровь выступила на языке, густая, солоноватая.

Нет.

Не дождётся.

Не при нём.

Боль прострелила руку острой нитью, уйдя в плечо, отдаваясь в висках тупыми ударами. Глаза мгновенно наполнились влагой, которой я не дала сорваться.

— Ты ведёшь себя слишком вызывающе для фамильяра, — произнёс он спокойно. — Ты не заметила?

Спокойно. Словно не вонзал пальцы в открытую рану. Словно держал не кровоточащую кожу.

Я судорожно втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

— Вламываешься в мои покои без стука. Дерзишь. Споришь. — Его пальцы сжались сильнее.

Я едва сдержала стон, уперевшись зубами в нижнюю губу, чувствуя, как мышца на скуле начинает пульсировать. — Мне это очень... не нравится.

Уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Надлом. Тень усмешки, не коснувшаяся глаз.

Ненавижу.

Ненавижу его спокойствие.

Ненавижу этот каменный мешок, который они называют академией.

Ненавижу ритуал, что сшил наши жизни в один тугой узел.

— А ещё мне не нравится, как ты выглядишь, — продолжил он, не отводя взгляда от моего лица. — Разве так должен выглядеть фамильяр принца?

— Я никогда... не была фамильяром принца, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Горло саднило, слова вырывались с трудом. — Простите. Я не подготовлена. Жизнь об этом... мне ничего... не рассказывала...

— Это заметно.

“Провались ты в Бездну, — мысленно прошипела я. — Желательно прямо сейчас. Вместе с этим чёртовым ковром. И с вороном!”

Нет. Ворона жалко. Он хотя бы не лезет ко мне со своими идеалами.

— Ты должна выглядеть красиво.

Красиво? Я едва удержалась от нервного, ломающегося смешка. Он только что пережил удар в спину. Я истекаю кровью. А его волнует фасон и прическа. Потрясающе.

— Завтра тебе принесут новую форму. И я лично прослежу, чтобы ты выглядела так, как подобает.

Его пальцы разжались так же резко, как сомкнулись. Кровь рванулась обратно в онемевшие сосуды, закололо тысячей раскалённых игл. Я тут же прижала руку к груди, чувствуя, как ткань полотенца липнет к коже, оставляя мокрые, тёмные пятна.

— А почему не бальное платье? — прошептала я, глядя в пол, где тень его сапога лежала рядом с моими босыми ногами.

Тёмные глаза чуть сузились. Зрачки расширились, словно он вглядывался во что-то за моей спиной, в пустоту коридора.

— В нём моя смерть будет выглядеть куда более красивой. Я могу еще перед тем, как умереть, сделать несколько балетных “па”. Надеюсь, вы любите балет!

Я вспомнила, как умирали лебеди на сцене. Но перед этим еще танцую минут пять, показывая, как мне не хочется умирать. А потом сажусь на шпагат и делаю плавные, угасающие движения руками.

Несколько секунд Виерис просто смотрел. Потом отвернулся, расправляя манжет безупречного пиджака.

— Вон отсюда.

С огромным удовольствием.

Я развернулась, направляясь к тяжёлой дубовой двери.

— Стой.

Глава 28

Я замерла, рука уже легла на холодную латунную ручку.

— Да, Ваше Высочество?

— Подслушивать под дверь тоже не рекомендую. Это так, к сведению.

— С чего вы решили, что я подслушиваю, — прошептала я, внутренне вернувшись.

— Потому что слышал тебя раньше, чем ты постучала, — слышалось мне в спину.

Я быстро выскользнула в коридор, пока он не передумал. Тяжёлая створка захлопнулась, отрезая свет, запах озона и его присутствие.

Уже в коридоре я покачнулась.

Боже. Как же больно.

Я добралась до своей комнаты, толкнула дверь плечом и почти рухнула на кровать. Матрас прогнулся, впитывая дрожь моего тела. Пальцы не слушались, но я всё же начала разматывать полотенце. Узел поддавался с трудом, ткань присохла к коже.

Наверняка снова пошла кровь. Этот бесчувственный ублюдок, не знающий боли, явно переборщил. Нет, главное, схватил меня не за здоровую руку, а именно за больную.

Я отбросила влажную, потемневшую материю и замерла. Что?

Несколько секунд я просто смотрела на порез. Потом осторожно, кончиком указательного пальца, коснулась кожи.

Крови не было.

Рана, которая ещё минуту назад жгла, пульсировала и расходилась при каждом вдохе, выглядела так, словно ей было уже несколько дней. Края стянулись в тонкую, бледно-розовую линию. Опухоль спала. Под кожей ощущалось странное, непрерывное покалывание, будто сотни невидимых нитей торопливо сшивали плоть изнутри, оставляя после себя лёгкое, обманчивое тепло.

Я моргнула. Потом ещё раз.

Нет.

Нет, этого не может быть.

Так не бывает.

Я медленно подняла взгляд на гладкую каменную стену, за которой находились его покои. В голове всплыла его рука. Пальцы, врезавшиеся в рану. Острая, выворачивающая боль. И внезапное тепло, которое тогда показалось мне игрой воображения.

— Нет, — прошептала я в звенящую пустоту комнаты, чувствуя, как по позвоночнику ползет липкий, предательский холод.

Но реальность от этого не менялась.

Глава 29

Я впилась взглядом в свое предплечье и не могла заставить себя моргнуть.

Еще час назад кожа здесь была разодрана в клочья. Мокрая, пульсирующая, с воспаленными красными краями, она отзывалась острой, слепящей болью на каждое, даже самое микроскопическое движение пальцев.

А теперь...

Теперь на месте глубокого пореза тянулась лишь тонкая, бледно-розовая полоска. Нежная, новая, абсолютно гладкая кожа. Так выглядела бы рана, которой уже несколько дней, а не минут. И это при условии хорошего лечения.

Я осторожно, кончиком дрожащего указательного пальца, провела рядом с этим следом, боясь прикоснуться к самому центру. Сердце ударило о ребра так глухо и тяжело, что отдачей отозвалось в висках.

Он схватил меня именно за это место.

Нарочно? Или все-таки нет?

Его пальцы впились прямо поверх влажной повязки, туда, где боль была наиболее концентрированной, наиболее живой. Я до сих пор помнила это ледяное, мертвецкое прикосновение. Помнила, как из горла вырвался тонкий, птичий визг, как боль вспыхнула белым, ослепляющим огнем.

И еще... Еще там было что-то. На долю секунды.

Тепло. Странное, чужое, невозможное в его ледяном теле. Будто мне под кожу влили каплю расплавленного, живого золота, которое тут же растеклось по венам, сшивая разорванную плоть.

Тогда, в его покоех, я решила, что мне просто показалось. Что это спазм, шок, игра измученных нервов.

Но сейчас я вижу, что рана зажила.

— Он не мог, — выдохнула я в тишину.

Виерис Баллард не стал бы меня лечить. Не после того, как смотрел на меня сверху вниз в ритуальной комнате, брезгливо веля не кричать. Не после того, как сравнил меня с предыдущей, более «приличной» фамильяркой. Не после того, как без единого объяснения перетащил меня в свою берлогу.

Тогда почему рана зажила именно после того, как он схватил меня за руку?

Значит, дело в ритуале? Что-то действительно пошло не так?

Я медленно села на край широкой кровати, не отрывая взгляда от руки. Внутри, там, где после обряда поселилось чужое, навязчивое присутствие, что-то тихо дрогнуло. Не больно. Скорее тревожно. Как тень, шевельнувшаяся в самом темном углу комнаты.

Ритуал прошел неправильно. Я знала это. Принц знал это. Даже ректор на мгновение потерял свою маску безразличия. И все равно они продолжили, замкнув круг.

Потому что без фамильяра жизнь хозяина в опасности. А

Академия допустить этого не могла.

Я сжала пальцы в кулак. Кожа на месте шрама неприятно натянулась, но не треснула. Не заболела. Лишь легкое, назойливое покалывание напомнило, что еще утром я была уверена: этот порез будет ныть и напоминать о себе несколько дней.

Может, связь теперь работает не только в одну сторону?

Глава 30

Эта мысль была настолько абсурдной, что я почти рассмеялась. Сухо, беззвучно, с горьким привкусом в горле.

Конечно. Очень смешно. Раны принца переходят ко мне. Боль принца переходит ко мне. Увечья принца переходят ко мне. А что переходит от него ко мне? Холодные руки? Дурной характер? Патологическая ненависть к неправильно застегнутым пуговицам и прочим несовершенствам.

Я закрыла лицо ладонями и попыталась дышать ровно, считая вдохи. Нужно было помыться. Смыть с себя запах страха, кровь и его подавляющее присутствие. Смыть его пальцы со своей кожи. Смыть этот день, если такое вообще было возможно.

Я вернулась в ванную, нюхая рубаху. Да, рубашку в стирку однозначно. Я так вспотела, что от меня пахнет как от боевого мага после тренировки!

На полке в идеальном порядке выстроились флаконы из темного, непрозрачного стекла: шампунь, масла, соли. Дорогие средства, названия которых я видела только у богатых студенток первого сорта.

Я осторожно, почти благоговейно открыла один из флаконов.

Запах ночных цветов ударил в нос.

Я тут же захлопнула крышку, словно обожглась.

Конечно. Даже мыло здесь пахло им.

— Прекрасно, — пробормотала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Теперь я буду мыться его высокомерным величием.

Сама мысль показалась мне настолько нелепой, что я фыркнула.

Горячая вода почти мгновенно наполнила глубокую ванну густым, обволакивающим паром. Я опустилась в нее осторожно, зажмурившись от удовольствия и боли одновременно. Тело ныло после ритуала, после магической молнии, после всех сегодняшних шагов, которые я делала вопреки тому, что должна была лежать пластом в лазарете.

Вода обняла кожу мягко, почти ласково, забирая напряжение. И я вдруг с пугающей ясностью поняла, что за весь этот бесконечный день это было первое прикосновение, которое ничего от меня не требовало.

Я сидела в воде, пока пальцы не сморщились, а мысли не стали тяжелыми и вязкими, как смола. Несколько раз я поднимала руку, разглядывая заживший шрам. И каждый раз мне становилось холоднее, несмотря на обжигающую воду.

Когда я наконец вышла, завернулась в мягкое пушистое полотенце и вернулась в спальню, то замерла на пороге.

На маленьком круглом столике у окна стоял ужин.

Настоящий.

Не серая, безвкусная каша, похожая на овсянку с гренками из столовой второго сорта. Не омлет, который выглядит

еще хуже, чем на вкус. Не жидкий суп, в котором овощи давно забыли, что когда-то были овощами.

На столе стояла глубокая тарелка с горячим, ароматным мясным рагу. Рядом — белый, еще теплый хлеб, сливочное масло, ломтики сыра, медовые яблоки, маленький кувшин с молоком и фарфоровый чайник, из носика которого лениво поднимался пар.

Я медленно подошла ближе. Живот предательски, болезненно сжался от голода.

На соседнем кресле лежала форма.

Я сначала решила, что ошиблась комнатой. Нет. Мой потрепанный чемодан по-прежнему стоял у стены. Мои старые, стоптанные ботинки — у кровати. Моя выцветшая сумка — на стуле.

Но форма была не моя.

Я осторожно взяла пиджак двумя пальцами, ожидая подвоха. Ткань оказалась тяжелой, мягкой, бархатистой. Темная, почти черная, но с глубоким фиолетовым отливом, который проявлялся только при свете лампы.

Подкладка — гладкий, холодный шелк. Пуговицы — золотые. Настоящие, тяжелые, не крашенная медь. На манжетах тончайшая вышивка серебряной нитью.

Форма элитных студентов. Нет. Даже лучше.

Я провела пальцем по жесткому воротнику, и внутри поднялось странное, тошнотворное чувство. Это было красиво. Дорого. Изысканно.

Хоть родители богатых студентов и оплачивали обучение фамильяра, чтобы тот защищал их деточку от боли, увечий и прочих неприятностей, но форма у нас сильно отличалась от хозяйской.

Но, отдать должное, выдавали ее каждый месяц. Однако сама форма приходила в негодность еще быстрее.

Я часто задумывалась над тем, а справедливо ли это?

Глава 31

В какой-то мере, да. Тебе оплачивают дорогостоящее обучение. Ты учишься по программе своего хозяина. Получается, что дочь прачки и герцогиня получают одинаковые знания. И эти знания дают дорогу наверх. К должностям и постам.

Однажды Эльви сказала, что многие из тех, кто привез сюда детей на роскошной карете, сами потомки фамильяров. Их род начинался не от distinguished предка, как они сами уверяют, а от ловкого и живучего сироты, сумевшего пробиться на самый верх.

Но справедливым всё это казалось только до первой раздирающей боли. Вот такой парадокс.

Я погладила форму и снова задумалась. А ведь у меня могло быть другое будущее. Если бы отца не казнили и не забрали всё имущество. Я бы поступила в Академию не как фамильяр, а как богатая студентка. И мне бы самой дали фамильяра.

Как бы я обращалась с ним? Помогала бы ему? Сочувствовала ли? Наверное, да. Хотя это всегда повод для жестоких насмешек среди аристократов.

Рядом с формой лежала аккуратная стопка новых учебников. Все предметы седьмого курса. Новейшие издания в тяжелых переплетах. Ни одного загнутого угла. Ни одной чу-

жой пометки на полях. Ни одного пятна чернил.

На верхнем учебнике лежала записка. Всего одна строка, выведенная четким, размашистым почерком:

«К занятиям ты должна явиться в надлежащем виде».

Без подписи. Но подпись и не требовалась.

Я медленно, с усилием скомкала записку в кулаке, чувствуя, как бумага врезается в ладонь.

— Как мило, ваше высочество, — прошептала я. — Почти забота. Если не знать, что это приказ.

Я смотрела на новые учебники. На форму. На горячий ужин, от одного запаха которого сводило желудок.

Ненавижу. Потому что всё это было неправильно. Чудовища не присылают новые учебники. Чудовища не заботятся о том, чтобы их фамильяр не ходил в рваной форме. Чудовища не кормят горячим ужином.

Они просто пользуются людьми.

Так гораздо проще.

Я сжала записку сильнее.

Нет.

Если это забота, то она пришла от самого неподходящего человека в этом мире.

От человека, который несколько часов назад спокойно наблюдал, как меня корчит от боли на полу ритуальной комнаты. От человека, который выбрал меня из десятков других девушек, перечеркнув мою судьбу. От человека, который однажды станет причиной моей смерти.

Ненавижу.

И почему-то от этой мысли стало еще голоднее.

Я хотела не есть. Очень хотела. Хотела гордо лечь спать голодной, чтобы хотя бы в этом маленьком акте бунта остаться собой. Но желудок сжался так болезненно, что гордость быстро оказалась где-то глубоко внизу, не в силах соперничать с запахом горячего рагу.

Я села за стол и взяла ложку. Первый кусок был таким вкусным, насыщенным, что я едва не заплакала. Не от счастья. От злости.

Потому что нельзя было так. Нельзя сначала отнять у человека жизнь, свободу, комнату, право на собственную боль, а потом поставить перед ним горячий ужин и дорогую форму, будто это что-то исправляет. Будто это покупает прощение.

Я ела медленно, упрямо, почти зло. Каждая ложка казалась поражением, но возвращала силы, которые мне еще пригодятся.

Глава 32

После ужина я еще долго сидела у окна, глядя на дождь, размывающий огни Академии. В комнате было тихо. Слишком тихо. За стеной, где начинались личные покои принца, не раздавалось ни звука. Ни шагов. Ни голоса. Ни карканья ворона. И от этой абсолютной тишины она казалась еще более живой, дышащей.

Я легла поздно, завернувшись в тяжелое одеяло до подбородка. Новая форма висела на спинке кресла, темная и безупречная, словно молчаливое, зловещее напоминание: утром прежней Лиады Торос уже не будет.

Я закрыла глаза. И почти сразу провалилась в сон.

Или в видение.

Виерис стоял посреди темной, бесконечной комнаты, где не было ни стен, ни окон, ни дверей. Только черный, зеркальный пол под ногами и далекий, холодный свет, падающий откуда-то сверху, выхватывая его фигуру из мрака. Белые волосы лежали на плечах тяжелыми, блестящими прядями. На нем была та же черная рубашка, что и вечером.

Ворон сидел где-то в темноте. Я не видела его, но слышала тихий, мерзкий скрежет когтей по камню.

Я попыталась отвернуться, но принц уже оказался передо мной. Я резко повернулась в другую сторону — он снова стоял там, преграждая путь. Спокойный. Бледный. Невыно-

симо красивый и такой чужой, что хотелось закричать и разбить этот сон вдребезги.

— Уходите, — сказала я, и мой голос прозвучал глухо, словно под водой.

Он что-то ответил. Я видела, как красиво и лениво шевельнулись его губы, но не услышала ни звука.

— Что? — спросила я, подаваясь вперед.

Он сделал шаг ближе. Я попятилась, но темный пол под ногами вдруг стал вязким, густым, как смола. Ноги не слушались, увязая в этой тьме. Воздух сгустился, став тяжелым, пахнущим самыми горькими, дурманящими цветами из его ванной.

Виерис остановился так близко, что я почувствовала холод, исходящий от его тела, как от открытого зимнего окна. Он снова что-то сказал. Тихо. Почти у самого моего лица, наклонившись так, что его дыхание коснулось моей кожи.

Я напряглась, пытаюсь разобрать хотя бы одно слово. Кажется, если я пойму его, то вспомню что-то важное. Очень важное. То, что уже знала, но что стерли из моей памяти.

Принц медленно поднял руку.

Я хотела отшатнуться, зажмуриться, но не смогла пошевелить ни единой мышцей.

Его пальцы коснулись моей щеки.

И это ощущение было слишком настоящим, чтобы быть сном. Сначала ледяное, обжигающее прикосновение. А потом — то самое тепло. Тонкая волна, пробежавшая под ко-

жей, заставляя нервы звенеть. Мурашки поднялись от шеи к затылку, такие живые, такие невозможные, что я перестала дышать.

— Не... — прошептала я, чувствуя, как по щеке скатывается настоящая, горячая слеза.

Он наклонился еще ниже. Его губы почти коснулись моих. Почти.

И в это самое мгновение я услышала его голос.

Не ушами.

Внутри. Глубоко под ребрами, там, где пульсировала магическая связь. Низкий, вибрирующий, властный:

«Вспомни...».

Глава 33

Я резко открыла глаза.

Комната была залита серым, безжизненным утренним светом. За окном все еще монотонно шел дождь. Сердце билось так часто и громко, будто я бежала по бесконечной лестнице.

Одеяло сбилось у ног, мокрые от пота волосы липли к щекам, а кожа все еще помнила чужие, ледяные пальцы.

Будильник на тумбочке зазвенел резко, злобно, почти издевательски.

Я дернулась и чуть не смахнула его на пол. Несколько секунд я просто сидела, тяжело дыша и пытаюсь понять, где нахожусь. Комната рядом с покоем принца. Восточная башня.

Я жива.

Я медленно провела пальцами по своей щеке. Там ничего не было. Ни влаги, ни тепла.

Разумеется. Просто сон. Магический фантом, побочный эффект связи.

Только почему тогда мурашки до сих пор не прошли?

Я встала слишком быстро, и голова тут же закружилась, окрашивая мир в темные пятна. Пришлось ухватиться за резную спинку кровати, чтобы не упасть. Время. Сколько времени?

Я посмотрела на часы и выругалась сквозь зубы. До начала

первой пары оставалось меньше пятнадцати минут.

Новая форма оказалась впору. Идеально впору. Слишком идеально. Пиджак лег по плечам так, будто его шили именно по моим меркам, хотя никто и никогда их не снимал. Юбка не давила в талии. Рубашка была белоснежной, мягкой, облегающей каждую линию тела. Ботинки — новые, черные, с удобной, будто созданной для моей ноги колодкой.

Я посмотрела на себя в высокое зеркало и не узнала отражение. Из стекла на меня смотрела студентка, которую могли бы без колебаний пригласить за свой стол аристократки первого сорта.

Если не смотреть в глаза.

Глаза остались мои. Испуганные. Злые. С темными кругами под ними. Глаза фамильяра, который знает, что такое боль.

— Прекрасно, — пробормотала я, застегивая последнюю золотую пуговицу у самого горла, чувствуя, как она слегка давит на сонную артерию. — Теперь осталось только научиться не выглядеть так, будто меня ведут на эшафот.

Волосы не слушались. Я попыталась собрать их в строгий узел магией, но пальцы дрожали, а мысли все время возвращались к видению.

«Вспомни».

Что вспомнить? Голос? Прикосновение? Или что-то из той прошлой жизни, которую я не помнила, потому что она была чужой, до того, как не раздался звук гильотины?

Серебряная заколка выскользнула из пальцев, ударилась о край массивного стола, звякнула и покатилась по паркету.
— Да чтоб тебя... — выдохнула я.

Она закатилась под письменный стол. Я опустилась на колени, наклонилась и нащупала холодный металл у задней ножки. Пальцы уже сомкнулись на заколке, когда взгляд случайно зацепился за странную, неестественную щель под столешницей, у самой боковой панели.

Я замерла.

На первый взгляд стол был обычным. Темное дерево, резные ножки, выдвижной ящик. Но снизу линия древесины шла неровно. Слишком тонкая, чтобы быть трещиной от времени. Слишком аккуратная, чтобы быть случайностью.

Я осторожно провела подушечкой пальца по дереву.

Панель едва заметно дрогнула.

Сердце тут же забилось быстрее, отстукивая тревожный ритм. Я нажала сильнее.

А столик у нас с секретом!

Глава 34

Щелчок прозвучал тихо, но в утренней звенящей тишине комнаты он показался оглушительным, как выстрел.

Внутри открылось узкое, пыльное тайное отделение.

Там лежала тетрадь. Тонкая, в потертой темно-синей обложке. Без имени, без герба Академии, без подписи. Просто тетрадь, которую кто-то спрятал так тщательно, чтобы ее никогда не нашли.

Я медленно, словно боясь разбудить призрака, вытащила ее. Пыль пощекотала пальцы. На обложке не было ничего. Ни имени владельца, ни фамилии. Ничего.

Я открыла первую страницу.

Почерк был незнакомым. Красивым, ровным, почти изящным, но с нажимом, выдающим внутреннее напряжение. Каждая буква ложилась на бумагу так аккуратно, будто человек писал не в спешке, а очень старался оставить после себя хоть что-то достойное, хоть какое-то доказательство своего существования.

Я начала читать, и буквы расплывались перед глазами:

«Я не знаю, сколько я проживу. Наверное, немного.

Многие мечтают оставить свой след в истории. Я не успела сделать ни великое открытие в области магии, ни основать свой знатный род. Я ничего не успела.

Иногда мне кажется, что самое страшное — не смерть.

Самое страшное — исчезнуть так, будто тебя никогда не было. Чтобы утром назвали твое имя в кабинете ректора, а вечером уже подбирали новую девочку на замену.

Если ты читаешь это, значит, меня больше нет.

Значит, ты следующая».

Громкий, размеренный стук в дверь заставил меня дернуться так резко, что тетрадь едва не выскользнула из рук.

Я захлопнула ее, прижав к груди.

— Почему я должен опаздывать из-за фамильярки?

Голос за дверью был спокойным. Холодным. И бесконечно недовольным.

Виерис.

Я лихорадочно сунула тетрадь обратно в тайное отделение. Пальцы не слушались, предательски дрожали. Панель никак не хотела закрываться, заедая.

Еще один стук. Тише. Опаснее.

— Я долго буду тебя ждать?

Судя по голосу, за дверью стояла моя смерть. Лично.

Панель наконец щелкнула, вставая на место. Я вскочила, схватила сумку, едва не уронив новые, тяжелые учебники, и бросилась к двери, распахивая ее настежь.

Когда я вышла в коридор, принц уже стоял там.

Безупречный. Раздражающе, несправедливо красивый. В темной форме, застегнутой идеально ровно, ни единой складки. Белые волосы были собраны у затылка черной бархатной лентой, открывая строгую линию шеи. На его плече

сидел Белит и смотрел на меня своим умным, черным глазом с таким выражением, будто лично засекал каждую секунду моего опоздания.

Виерис медленно, методично окинул меня взглядом. От макушки до кончиков новых ботинок.

Я невольно выпрямилась, втянув живот и подняв подбородок.

Ненавижу. Ненавижу, что мое тело сделало это автоматически, повинаясь его немому приказу.

Глава 35

— Волосы терпимо, форма — нормально, ботинки — удовлетворительно, — произнес он, и в его тоне не было ни похвалы, ни насмешки. Просто констатация факта.

— Какое счастье, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Теперь мой день точно удался.

Фиалковые глаза сузились, становясь похожими на осколки льда.

— Мы опоздали на десять минут.

— Моей прежней хозяйке было все равно, хожу я на пары или нет, — заметила я, захлопывая дверь своей комнаты и запирая ее на ключ.

— А мне не все равно.

— Почему? — вопрос вырвался сам собой, дерзкий и глупый.

Он посмотрел на меня так, словно я спросила, почему небо синее.

— Потому что теперь ты моя фамиллярка.

Слово «моя» снова ударило под ребра, тяжелое и собственническое. Я судорожно сжала ремень сумки.

— То есть вы заботитесь о моей успеваемости исключительно из чувства собственности?

— Я забочусь о порядке, — сухо произнес Виерис, разворачиваясь. — А ты теперь часть моего порядка.

— Очень трогательно.

— Не путай с трогательностью. Это дисциплина. Без дисциплины невозможно достичь совершенства.

Он пошел по коридору. Я поспешила следом, стараясь не отставать, цокая новыми каблуками по мрамору. Шаг у него был быстрым, ровным, бесшумным. Шаг человека, который действительно никогда не опаздывал. Никогда не торопился. Никогда не выглядел так, будто мир имеет право нарушить его расписание.

— Вы всегда такой невыносимый по утрам? — не унималась я, чувствуя, как нервы натягиваются до предела.

— Я не невыносимый.

— Правда? Значит, я ошиблась. Просто вы так убедительно сыграли невыносимого человека, что я поверила.

— Я не опаздываю, Лиада Торос. Никогда.

Он даже не обернулся, но от его низкого голоса по коже прошел холодок.

— А сегодня опоздали, — бросила я ему в спину. — Я не вижу в опозданиях чего-то такого, что способно разрушить мир.

Принц остановился так внезапно, что я едва не врезалась ему в спину, чувствуя запах озона и горьких цветов.

Белит тихо каркнул, будто выражая недовольство.

Виерис медленно повернул голову. Не полностью. Только так, чтобы я увидела резкую, хищную линию скулы и краешек фиалкового взгляда.

— Из-за тебя! — произнес он тихо, и в этом слове не было привычного раздражения. Было что-то другое. Нечто темное. Почти личное.

Почему-то от этой простой фразы мне стало не по себе. Не потому что он злился. А потому что в его голосе прозвучала тень той самой аномалии, которую мы оба чувствовали во время ритуала.

— Из-за меня? — спросила я, сама не понимая, зачем провоцирую его.

Он посмотрел на меня. Долго. Слишком долго, так, что воздух между нами стал вязким.

А потом его взгляд на мгновение, всего на долю секунды, скользнул вниз. К моей руке. Той самой, что была спрятана в кармане пиджака. К руке с почти зажившей раной.

Я машинально, инстинктивно спрятала руку за спину.

Губы Виериса едва заметно дрогнули. Не в улыбке. В чем-то неуловимом, что я не смогла расшифровать.

— В следующий раз мне будет плевать, готова ты или нет, — сказал он, и лед вернулся в его голос. — Пойдешь в том, что есть.

Он пошел дальше, не дожидаясь моего ответа.

— А как же совершенство? — спросила я, глядя на его спину.

А я осталась стоять на месте на один короткий миг, чувствуя, как внутри, под ребрами, снова шевельнулась чужая, теплая тень.

Только бы не забыть про ту таинственную тетрадь. Мне не терпится прочитать ее.

Глава 36

Я едва поспевала за принцем.

Мои легкие горели, а в висках все еще пульсировала тупая, назойливая боль от вчерашнего ритуала, но я не смела отстать.

Виерис шел по коридору быстрым, ровным шагом. Для него опоздание на десять минут было не просто нарушением расписания, а личным, непростительным оскорблением, нанесенным ему самим мирозданием.

«Чтоб тебе отличник достался следующим! Чтобы он не пропускал ни одного занятия! И занимался день и ночь, отработывая заклинания за счет твоего магического резерва!» — ругались в общежитии.

И действительно, двоечники и прогульщики были куда лучшими хозяевами. Они не трогали магический резерв фамильяров, наплевательски относились к занятиям, поэтому у фамильяра был шанс выжить куда больше, чем если бы хозяин был отличником.

Они часто отправляли своих фамильяров на лекции вместо себя, чтобы те написали конспект и сделали домашнее задание. Поэтому мы все дружно завидовали тем, у кого хозяин двоечник. Жаль, что в Академии таких было немного. Но их фамильяры были счастливчиками.

Я шла вслед за принцем, чувствуя на себе любопытные

взгляды.

Студенты расступались перед ним.

Буквально. Как темное, беспокойное море перед ледоколом, разрезающим ледяную гладь. Кто-то почтительно, почти подобострастно кивал, вжимаясь в холодные каменные стены. Кто-то поспешно отводил взгляд, боясь встретиться с его фиалковыми глазами.

А потом, стоило ему пройти, эти взгляды обрушивались на меня.

Новость уже разлетелась по Академии. Я чувствовала это буквально кожей, словно тысячи невидимых, липких пальцев ощупывали мое новое, позорное клеймо.

— Это она? — донесся приглушенный шепот слева.

— Да. Дочь того самого бунтовщика. Аристократка, между прочим...

Я стиснула зубы, вспоминая, как надо мной издевались не только хозяева, но и фамильяры. Они ненавидели аристократов и радовались до визгу, когда среди фамильяров кто-то был из опальной аристократической семьи. «Гляди-ка! Аристократочка! А что ж без фамильяра? А? О, простите. Я и забыла, что ты теперь фамильяр!»

— Не похожа. Выглядит слишком... обычной.

— А какой ты ее представляла?

— Не знаю. Думала, она посимпатичней будет.

Мы прошли мимо, и этот шепот остался за спиной, но тут же, словно по команде, начался новый. Тихий, циничный,

пропитанный азартом.

— Неделя, Пьер.

— Не смей меня. Какая неделя! Неделя — это слишком мало!

— Что?

— Месяц. Максимум.

— Ставлю два. Она продержится два месяца, если он будет щадить ее по ночам.

Короткий, сдавленный смешок. Звук, от которого по позвоночнику пробежал ледяной холод.

Была у Академии и еще одна сторона, о которой предпочитали молчать. Зачастую фамильярка могла стать игрушкой для хозяина. В прямом смысле этого слова.

Это было всё равно что затащить в комнату симпатичную горничную, а потом выйти, застегивая штаны. Никто не видел в этом ничего предосудительного. Если только не наоборот. Девушкам-хозяйкам важно было не бросить тень на репутацию. Поэтому многие родители настаивали, чтобы их фамильяром была тоже девочка.

С Эльви, я подозреваю, такое случалось. Иногда она возвращалась в комнату под утро. Она молча ложилась спать, наполняя комнату тайной молчания.

Был в Академии случай, когда хозяйка влюбилась в фамильяра. Когда это стало известно, ее забрали домой, а его... убрали.

Я смотрела прямо перед собой. Только вперед. Только на

широкую, безупречно прямую спину принца. Его белые волосы, собранные в низкий хвост, слегка покачивались в такт шагам, и эта гипнотическая ритмичность была единственным, что не давало мне рассыпаться на части.

Слухи о фамильярах Виериса Балларда жили в Академии дольше, чем сами фамильяры.

Раньше они меня не интересовали. Я старательно пряталась, избегала его и молилась, чтобы моя очередь никогда не настала. Теперь же, когда я оказалась в эпицентре этой мясорубки, моя судьба вдруг стала главным развлечением для всех вокруг.

Особенно для тех, кто никогда не рискнул бы оказаться на моем месте.

Мы свернули в северное крыло. Коридоры здесь были шире, но при этом давяще темнее.

Впереди, в конце длинного зала, показались массивные двустворчатые двери, окованные черным железом. Над ними тускло поблескивала золотая табличка: «Кафедра боевой магии».

Я невольно замедлила шаг. Желудок скрутило в тугой, болезненный узел.

Глава 37

Виерис остановился, даже не обернувшись, и толкнул тяжелую створку.

— Раздевалки там, — бросил он через плечо. Голос прозвучал глухо, без единой эмоции.

И он шагнул в мужское отделение, исчезнув в полумраке, словно был абсолютно уверен, что я не потеряюсь. Или, что было гораздо вероятнее, ему было совершенно все равно, заблужусь я или нет.

Раздевалка фамильяров была полной. Пахло старым потом, кожаной смазкой и дешевым мылом. Я подошла к свободному шкафчику и открыла его. Внутри, на единственной перекладине, висел комплект тренировочных доспехов.

Я сняла свой новый, безупречный пиджак и осторожно взяла нагрудник.

Он был легким. Слишком легким. Красивым, с тисненым гербом Академии, но практически бесполезным. Я знала это наверняка. Если в тебя ударит серьезное боевое заклинание, эта защита поможет не намного больше, чем плотная льняная рубашка. Она была создана не для того, чтобы спасти жизнь, а для того, чтобы создать иллюзию безопасности.

Впрочем, никто и не рассчитывал, что фамильяр будет жить вечно.

Я начала застегивать ремни. Пальцы плохо слушались,

скользили по холодной пряжке. Моя прежняя хозяйка, Селеста, никогда не посещала боевую магию. Ее отец, министр, запрещал это категорически.

Слишком опасно. Не для нее, конечно. На меня ему было плевать. Но что, если фамильяр не выдержит серьезный удар? Что, если связь даст сбой и часть боли, ожогов достанется его драгоценной, хрупкой дочери?

Нет уж. Пусть рискуют другие. Пусть их фамильяры ломают кости на тренировочных мечах. Ее первостепенная задача — удачно выйти замуж, укрепив позиции папеньки.

Поэтому боевая магия существовала где-то далеко. В пыльных учебниках. На скучных лекциях. На иллюстрациях в учебниках по истории войн. Но никогда — рядом с его дочерью.

Я затянула последний ремень и подняла голову, встретившись взглядом с собственным отражением в тусклом зеркале шкафчика.

Странно. Почти семь лет меня берегли. Кормили, одевали, оплачивали обучение. Но не ради меня. Ради нее.

Я вспомнила, как однажды, разнося чай в гостиной Судимондов на каникулах, я случайно услышала разговор двух благородных дам. Они обсуждали роды. Спокойно, отстраненно, между изящным кусочком лимонного торта и глотком горячего чая.

Одна жаловалась, что ее фамильярка оказалась слишком слабой и потеряла сознание еще на первых, самых легких

схватках, из-за чего ей чуть не пришлось терпеть дискомфорт самой. Вторая сочувственно кивала, цокая языком.

Будто речь шла о сломанной карете или захромавшей лошади. Даже рожать аристократки предпочитали с фамильярами. Зачем самой кричать от боли, рвать связки и потеть, если можно заставить кричать, корчиться и страдать того, кого не жалко?

— Красиво.

Я вздрогнула, вырванная из воспоминаний.

Эльви стояла через несколько шкафчиков. Она уже переоделась в свой доспех и даже не смотрела в мою сторону. Словно меня здесь не было. Словно мы никогда не сидели вместе над конспектами до глубокой ночи. Словно не были чем-то похожим на подруг в этом проклятом месте.

Она методично поправила кожаный наруч на запястье и направилась к выходу. Ее путь проходил прямо мимо меня.

Я молча смотрела ей вслед, чувствуя, как в горле поднимается ком горечи. Эльви прошла мимо. Не замедляя шаг. Не поднимая глаз.

И только оказавшись совсем рядом, она едва слышно, одними губами прошептала:

— Держись.

Глава 38

Я замерла, не в силах пошевелиться.

— Вся Академия обсуждает новую игрушку принца, — добавила она, и в этом шепоте не было ни злорадства, ни жалости. Только голая, леденящая правда.

Она ушла прежде, чем я успела найти в себе силы ответить. Дверь с лязгом закрылась. Я осталась стоять одна в гулкой тишине раздевалки.

Новая игрушка.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Боевой зал оказался огромным, подавляющим своими масштабами. Высокие сводчатые потолки терялись в густом полумраке, а по стенам тянулись защитные руны, пульсирующие тусклым, тревожным светом. На каменном полу темнели выжженные следы старых тренировок — шрамы, оставленные огнем, молниями и льдом.

Здесь пахло потом. Магией. И страхом. Густым, животным страхом, который въедался в камень годами.

Студенты уже собирались возле тренировочных площадок. Аристократы в своих дорогих, усиленных магией доспехах и их фамильяры — бледные, напряженные, стоящие на шаг позади. Привычная картина. Только теперь я стояла по другую сторону баррикад. Не как наблюдатель, а как мишень.

Я вошла внутрь, и мой взгляд почти сразу нашел Виериса.

Он уже переоделся. Черные тренировочные доспехи сидели на нем безупречно. Темный, матовый металл, поглощающий свет, черная кожа, идеально подогнанная к рельефу мышц. Белые волосы, выбившиеся из-под ворота, создавали ослепительный контраст. Ни одной лишней детали. Ни единой царапины. Он выглядел так, словно был рожден для войны.

Именно рядом с ним стоял высокий темноволосый герцог. Красивый той хищной, самоуверенной красотой, которая присуща людям, привыкшим, что на них смотрят с обожанием и страхом.

— Виерис! — окликнул он, его голос эхом разнесся по залу.

Виерис даже головы не повернул. Его профиль оставался неподвижным, как высеченный из мрамора.

— Смотрю, тебе наконец заменили прошлую фамильярку, — продолжил герцог Арден, и несколько человек поблизости усмехнулись.

Я почувствовала знакомое, тошнотворное напряжение под ребрами. Так всегда начиналось. Сначала невинная шутка. Потом еще одна, поострее. Потом кому-то становилось скучно, и появлялась жертва, на которой можно было сорвать зло или просто развлечься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.